

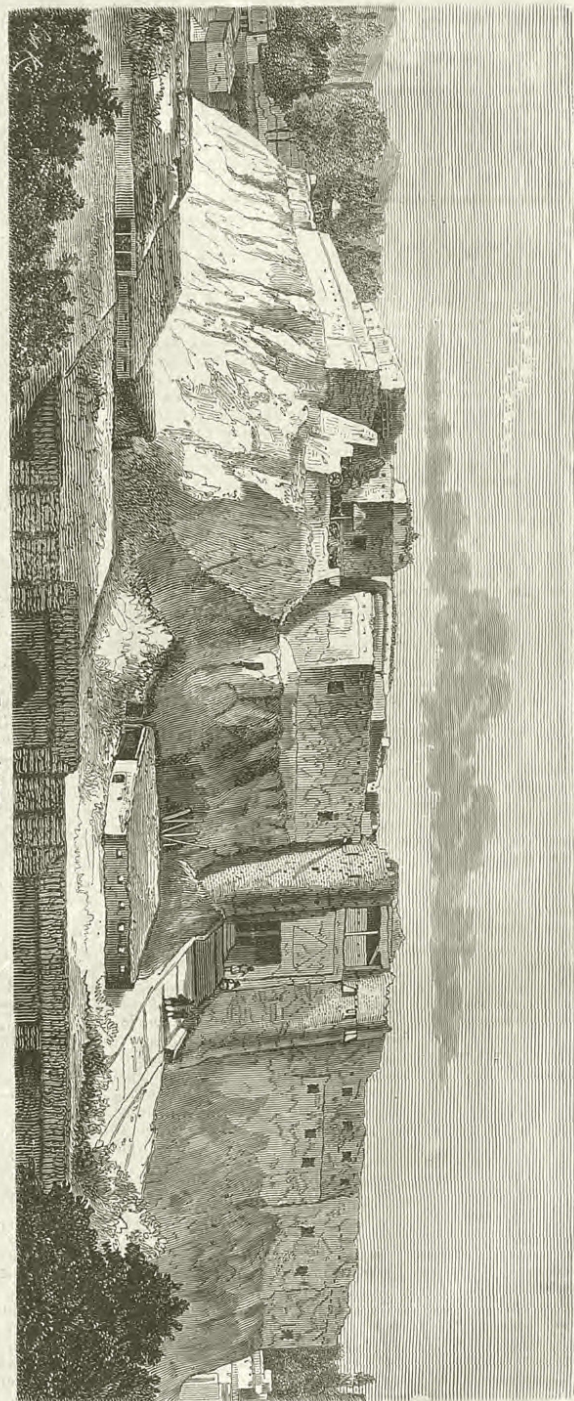
РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. 5 января, въ залахъ военнаго совѣта состоялось открытіе Высочайше утвержденной комисіи о личной военной повинности.

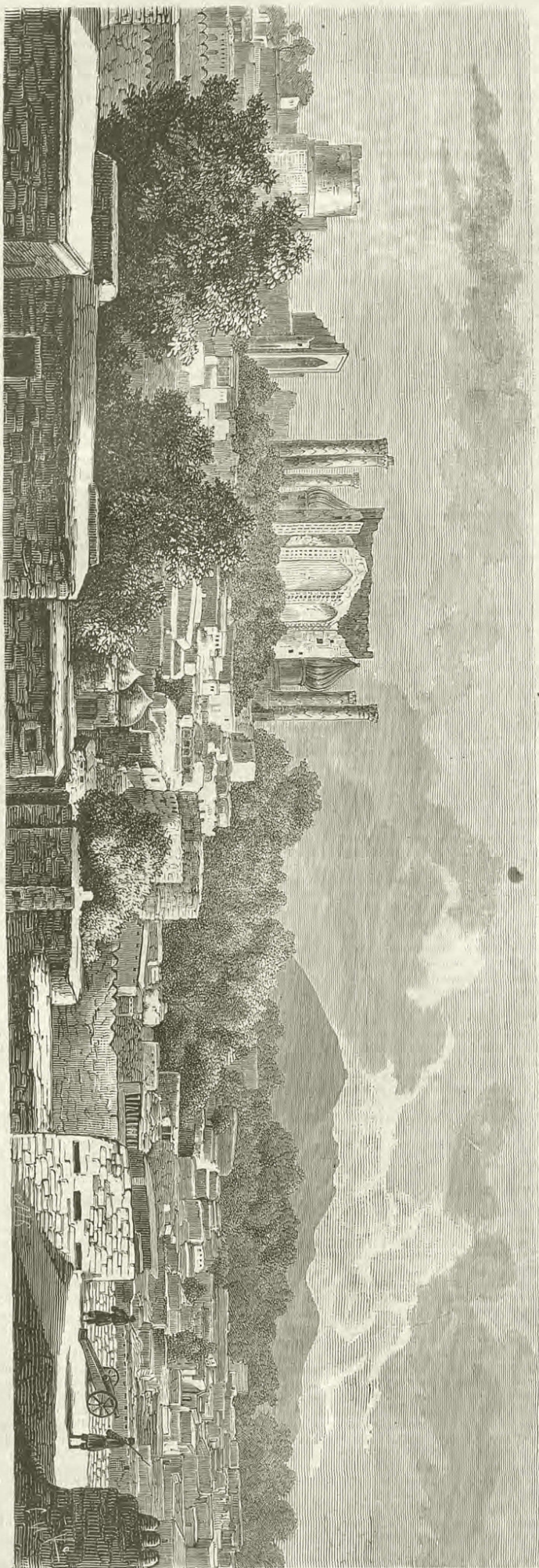
— Въ № 7 «Прав. Вѣст.» напечатанъ Высочайшій рескриптъ на имя генералъ-губернатора Финляндіи, о распространении на нее всеобщей воинской повинности, руководствуясь при томъ существующими тамъ постановленіями.

— Оренбургское казачье войско представило Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ по случаю циркулярной депеши 19 октября.

— Изъ недавно напечатанной государственной росписи видно, что обыкновенные доходы на 1871 годъ исчислены въ 454.183,905 руб., то есть, почти на 14 мил. болѣе противъ предшествовавшаго года. Издержки взысканія доходовъ опредѣлены въ 50.442,028 руб., что составляетъ



Самаркандъ. Видъ крепости.
(Изъ наброска Иванова, рисунокъ на крѣп. А. Н. Нисенкова, грав. Л. А. Сурикова).



Самаркандъ. Видъ города.
(Изъ наброска Иванова, рисунокъ на крѣп. А. Н. Нисенкова, грав. Л. А. Сурикова).

11¹/₁₀% (въ росписи 1870 года издержки эти нечислены въ 12¹/₂%), а въ росписи 1869 года въ 11¹/₁₀). Такимъ образомъ, чистый доходъ, ожидаемый въ 1871 году, будетъ 403.741,877 руб. Обыкновенные государственные расходы (вмѣстѣ съ вышеуказанными издержками по взиманію доходовъ) опредѣлены въ 456.576,900 руб.; сверхъ того, на недоборъ въ доходахъ положено 2.000,000 руб. (въ прошлагодовой росписи полагалось 3 мил.). Сравнительно съ росписью на 1870 годъ, обыкновенные расходы 1871 года увеличены по сметамъ на 10.115,830 руб.

— 7 января, въ 12¹/₂ часовъ дня, въ высочайшемъ Его Императорскаго Величества присутствіи, былъ на Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадяхъ парадъ всѣмъ войскамъ, въ Петербургѣ и окрестностяхъ расположеннымъ. Въ строю находилось 46³/₄ баталіоновъ, 34¹/₂ эскадроновъ и 98 орудій.

— Въ Петербургѣ, съ 1846 г., существуетъ въ Большой Конюшенной (№ 8-й) бібліотека, основанная и поддерживаемая нѣмцами-протестантами. Бібліотека эта состоитъ изъ 37,000 нѣмецкихъ, 4,000 французскихъ,

1,000 англійських, 150 голандських, 1,000 финських і 1,000 шведських сочиненій; но въ ней до сих поръ вовсе не было русскихъ книгъ. Для пополненія этого пробѣла, предполагается собрать особую сумму посредствомъ 4-хъ публичныхъ чтеній.

Петербургъ. Въ газетахъ появилось слѣдующее заявленіе: «Мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь заявить всѣмъ содержателямъ театровъ въ Россіи и обществамъ, дающимъ спектакли, что представленіе нашихъ оригинальныхъ пьесъ и переводовъ, безъ предварительнаго нашего на то согласія, никому не дозволяется, подъ опасеніемъ взысканія на основаніи 1,684 ст. улож. о наказ. (изд. 1866 г.).»

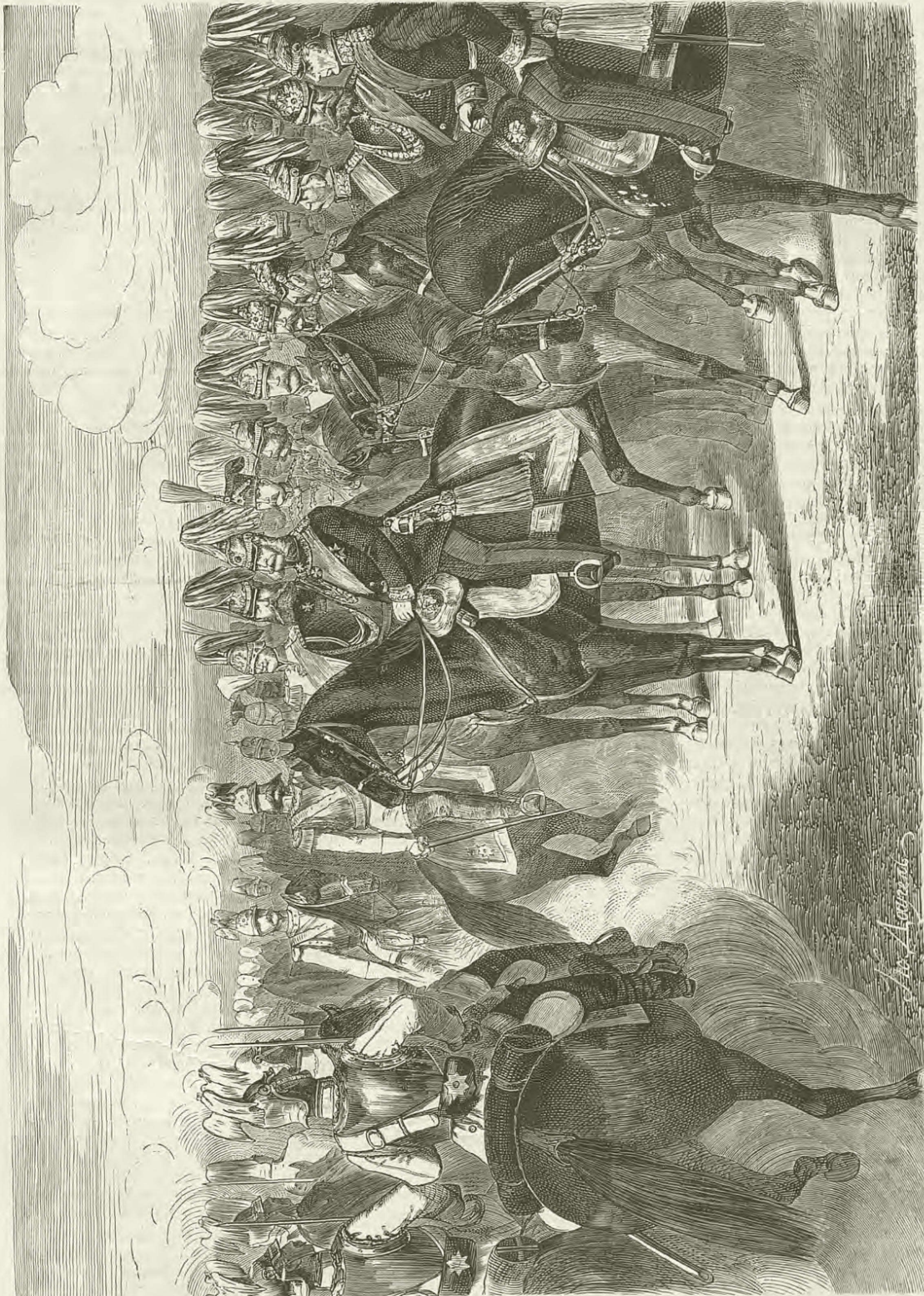
новленія штрафовъ съ родителей, не посылающихъ своихъ дѣтей въ школу, но ничего рѣшительнаго по этому дѣлу не послѣдовало.

Крестцы. Крестьянское земство обязало фельдшеровъ ежедневно быть въ извѣстныхъ селеніяхъ, и объ этомъ оповѣстило народъ и потомъ устроило волостныя лечебницы, въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, гдѣ покой и леченіе безвозмездны.

Могилевъ. Въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ, что при мазоловскомъ женскомъ монастырѣ (могилевской епархіи), открыты: училище для дѣвочекъ крестьянскаго и другихъ сословій и больница для приходящихъ въ монастырь богомольцевъ и другихъ лицъ.

Ташкентъ, 10 ноября, въ домъ военнаго губернатора. На этомъ сѣздѣ были подняты важныя торговые вопросы, напр. о необходимости ввести въ обращеніе во всѣхъ сосѣднихъ ханствахъ нашъ кредитный рубль, о необходимости учредить консульства въ Бухарѣ, Кокандѣ и Камгарѣ, о необходимости введенія въ ханствахъ русскихъ вѣсовъ и мѣръ и устройства въ Ташкентѣ и въ другихъ городахъ края правильнаго городского управления и т. п.

Терская область. По слухамъ, сообщаемымъ «Терскими Вѣдомостями», въ Буртулатѣ предполагаютъ устроить литературныя вечера, офицерскій клубъ и солдатскій театръ.



Императоръ Вильгельмъ I со своимъ штабомъ.

(Грав. А. Дугласъ).

«За полученіемъ нашего согласія и для переговоровъ о его условіяхъ, гг. содержатели театровъ и распорядители спектаклей благоволятъ обращаться къ нашему уполномоченному Владимиру Ивановичу Родиславскому, въ контору журнала «Бесѣда», въ Москвѣ, на Срѣтенскѣ, въ домѣ Щепкиныхъ». Затѣмъ слѣдуютъ 29 подписей.

Екатеринославъ. Екатеринославское земское собраніе положило ходатайствовать объ устройствѣ земской желѣзно-конной дороги отъ г. Екатеринослава до Никополя. Это же собраніе разбираетъ вопросъ о предоставленіи льготъ грамотнымъ крестьянамъ и объ уста-

Одесса. Въ «Новороссійскихъ Вѣдомостяхъ» сообщаютъ, что одесское акцизное управленіе нашло возможнымъ чиновниковъ, наблюдающихъ за табачными фабриками, замѣнить женщинами.

Сумы. Сумское (Харьковской губерніи) уездное земское собраніе опредѣлило: учредить при сумской гимназій педагогическія курсы для приготовленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ и на содержаніе этихъ курсовъ вносить ежегодно въ суму 1,000 руб.

Ташкентъ. Газета «Туркестанскія Вѣдомости» сообщаетъ весьма любопытныя подробности перваго въ сѣданія сѣзда русскихъ и азіатскихъ купцовъ въ

Самаркандъ.

Не дальше двухъ лѣтъ тому назадъ, врядъ-ли кто изъ насъ зналъ что нибудь о городѣ Самаркандѣ и, вѣроятно, у весьма немногихъ сохранилось въ памяти самое имя этой, нѣкогда славной, столицы Тамерлана. Въ настоящее время, Самаркандъ—главный городъ Зарѣфшанскаго округа и составляетъ важный передовой пунктъ въ нашихъ новыхъ Среднеазиатскихъ владѣніяхъ. Походъ нашихъ войскъ въ Самар-

кандь, взятіе господствующих надъ городомъ высотъ Чупанъ-Ата и отбитіе приступа бухарскихъ и шаагрисабскихъ войскъ, представляютъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ военныхъ предпріятій, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на упроченіе нашего владычества въ Средней Азій. Важность присоединенія Самарканда къ русскимъ владѣніямъ, вполне объясняетъ тревогу, произведенную этимъ событіемъ въ Англіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившей за успѣхами нашими въ Средней Азій, такъ какъ, со взятіемъ Самарканда, мы приобрѣли не только важный стратегическій, но и торговый пунктъ, для обмѣна нашихъ мануфактурныхъ произведеній на богатые сырые продукты Средней Азій, Индіи и западнаго Китая.

До 1863 г. мы владѣли въ Средней Азій только торговыми путями, ведущими въ Китайскую Татарию, въ Хиву, Бухару и Коканъ; но съ развитіемъ нашихъ торговыхъ интересовъ въ этихъ странахъ, необходимо было оградить эти интересы отъ случайностей, которыми подвергалась наша торговля въ трехъ Среднеазиатскихъ ханствахъ, ведущихъ безконечную вражду между собою, а также съ сѣверною Персіею. Непосредственнымъ результатомъ нашихъ стремленій въ Средней Азій, было постепенное занятіе важныхъ торговыхъ пунктовъ, каковы Ташкентъ, Ходжентъ и Самаркандъ, а также приобрѣтеніе нами отъ воинственной Хивы право судоходства вверхъ по Аму-Дарьѣ до города Кунграда, отстоящаго всего на дватри дня караваннаго пути отъ Хивы.

Практическое значеніе завоеваній нашихъ въ Средней Азій, вполне рельефно выразилось во время тяжелаго мануфактурнаго кризиса, вызваннаго междоусобною войною въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; наши хлопчатобумажныя мануфактуры, будучи обезпечены полученіемъ «бухарскаго» хлопка, легче другихъ европейскихъ мануфактуръ выдержали хлопчатобумажный кризисъ.

Занятія нами, безъ большого кровопролитія, части владѣній Бухарскаго и Коканскаго ханствъ, населены смѣшаннымъ народонаселеніемъ индо-европейскаго и монгольскаго племени, занимающихъ весьма плодородныя земли, лежащія въ долинахъ среднихъ теченій рѣкъ, впадающихъ въ Аральское море или вытекающихъ изъ отроговъ Тянь-Шаня. Въ одной изъ такихъ мѣстностей, богато орошенныхъ естественными и искусственными протоками, лежитъ древнѣйшій среднеазиатскій городъ Самаркандъ. Мѣстное преданіе приписываетъ основаніе этого города арабскому шейху, завоевательныя стремленія котораго привели его въ богатую долину рѣки Зарыфшана или Согды, въ половинѣ V вѣка до нашей эры; въ это время городъ Самаркандъ носилъ названіе Мараканда. Войска Александра Македонскаго проникли было до Мараканда, жители котораго оказали, вѣроятно, сильное сопротивленіе великому завоевателю, потому что преданіе говоритъ о полномъ разореніи города, вновь отстроеннаго и укрѣпленнаго рабомъ Александра великаго Самаромъ, въ честь котораго городъ былъ названъ Самаркандомъ и составлялъ столицу Согдіаны, одной изъ провинцій Селевкидовъ и ихъ преемниковъ. Завоеваніе края греками дало возможность греческой цивилизации далеко распространиться въ Средней Азій и дѣйствительно, до сихъ поръ въ могильныхъ курганахъ Бухары, Афганистана и Кабула находятъ греко-бактрійскія монеты и медали. До начала среднихъ вѣковъ, страны, въ которыхъ лежатъ Самаркандъ и сѣдшіе города, были театромъ безконечныхъ войнъ родоначальниковъ тѣхъ индо-европейскихъ и тюркскихъ племенъ, которыя находили древній европейскій міръ, а потому и самая исторія этихъ странъ теряется въ легендарныхъ сказаніяхъ племенъ, разбѣжавшихъ по всему свѣту. Но несомнѣнно, что древніи Согдіана, Бактріана и Скифія представляли много привлекательнаго для тогдашнихъ завоевателей, если мы видимъ въ среднихъ вѣкахъ появленіе въ долинахъ Оксуса, Яксарта и Согды арабскихъ, а затѣмъ монгольскихъ полчищъ, овладѣвшихъ обширными странами, часть которыхъ составлялъ одно изъ лучшихъ приобретений нашего обширнаго отечества.

Арабы внесли въ завоеванныя ими страны новую религію и образованность; монголы распространили религію Мохамеда до крайнихъ предѣловъ востока и запада, грозя одно время поглотить большую часть средневѣковаго міра. Чингисъ-Ханъ овладѣлъ Самаркандомъ въ началѣ XIII вѣка, а Тимуръ-Ленгъ избралъ его столицею своего безграничнаго царства и задумавъ было сдѣлать изъ него первый городъ въ мірѣ. Въ теченіи ста лѣтъ, Самаркандъ былъ поприщемъ обширной ученой, административной и торговой дѣятельности, привлекалъ болѣе полутора тысячъ жителей; множество мечетей, медресе (коллегій);

развалины дворцовъ, загородныхъ домовъ и другихъ зданій до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ о прежнемъ величій столицы монгольскихъ владѣтелей.

Первое мая—самый памятный день для русскихъ, живущихъ въ Средней Азій. Въ этотъ день, въ 1868 году, русскіе войска, подъ начальствомъ генерала фонъ-Кауфмана, взяли приступомъ Чупанъ-Ата, — высоты, господствующія надъ долиною Зарыфшана и надъ Самаркандомъ, лежащимъ отсюда въ разстояніи восьми верстъ. Со взятіемъ скалистыхъ высотъ Чупанъ-Ата, Самаркандъ увидѣлъ на другой день въ стѣнахъ своихъ русскія войска. Первое мая въ Самаркандѣ празднуется русскими на Чупанъ-Атѣ. Вокругъ Чупанъ-Аты разбросаны фруктовые сады и хутора; съ горъ льются водопады и, собираясь въ орыки (оросительные каналы), разносятъ по полямъ плодородіе. Русский праздникъ въ Средней Азій, сопровождаемый полковой музыкой, пѣсенниками, разными угощеніями, въ которыхъ главную роль играютъ чай, одинаково любимый какъ русскими, такъ и азіатцами, — привлекаетъ большое количество самаркандцевъ, охотно сходящихся на русскій томашу (праздникъ), до котораго восточный житель такой же охотникъ, какъ и все другіе народы. На вершинѣ Чупанъ-Аты построена, въ честь весьма чтимаго въ этихъ странахъ мусульманскаго святого Чупана, мазарка — родъ часовни съ продолговатымъ куполомъ; близъ мазарки живутъ дервиши; у нихъ странники находятъ гостепріимный пріютъ, которымъ славится Востокъ.

Съ высотъ Чупанъ-Ата открывается великолѣпный видъ на ближайшія окрестности. Справа видныя стрѣлы горы Шункаръ-Тау (Соколиныя горы), послѣдніе отроги Тянь-Шаня; еще далѣе, на сѣверо-западъ, едва замѣтно очерчивается отдаленный хребетъ Акъ-Тау; на юго-востокъ снѣбютъ послѣдніе отроги вѣтвистой гряды горнагоуза Команъ-Горанъ. Изъ ущелья Команъ-Горана вытекаетъ множество незначительныхъ, но величій, но важныхъ для развитія земледѣлія, рѣкъ: Катанъ-дарья (Дарья рѣка), Дыуль-дарья, Гиланъ-дарья, Якобакъ-дарья, Кашка-дарья. Въ этой гористой странѣ, богато орошенной небольшими рѣками, ручьями и искусственными каналами, живетъ воинственное и, въ тоже время, промышленное племя таджиковъ, управляемыхъ особымъ ханомъ, владѣній котораго, называемыя Шаагрисабъ, (по русскому произношенію), устояли отстоять свою независимость среди двухъ могущественныхъ сосѣдей: Бухары и Кокана. Въ предѣлахъ Шаагрисаба находятся промышленные города Ургутъ, Шаоръ, Карши, Гузаръ и городъ Китапъ—священная, въ глазахъ туземцевъ, родина Тимура-Хромого, имя котораго чтится въ этихъ странахъ наравнѣ съ именемъ великаго пророка. Черезъ эти города идутъ большіе караванные пути въ Бухару, Афганистанъ и западную Индію, по которымъ стремится неудержимый потокъ русской торговли, принимающей все большіе и большіе размѣры.

Но еще великолѣпнѣе видъ съ Чупанъ-Аты на долину рѣки Зарыфшана, которая въ этомъ мѣстѣ, встрѣчая естественную преграду въ скалистыхъ горахъ, разбѣивается на два рукава: Акъ-дарью и Кара-Дарью. Эти два протока обхватываютъ живописную и плодородную долину въ нѣскольکو десятковъ квадратныхъ верстъ, усѣянныхъ хуторами (кышлаками), буквально утопающими въ садахъ. Среди яркой зелени богатыхъ полей, засѣянныхъ пшеницею, рисомъ, хлопкомъ, льются во всехъ направленіяхъ, вынуждая общему склону долины, въ обѣихъ рукавахъ древней Согды, серебристыя воды Зарыфшана, направляемыя на поля оросительными каналами; вдоль которыхъ растутъ роскошныя шоакинныя деревья, покрытыя буйными побѣгами. Ни одинъ орыкъ (каналъ) въ Средней Азій не существуетъ безъ туповаго дерева, сочные листья котораго прокармливаютъ мѣстную породу шелкопряда червя, получившаго такую высокую цѣну въ настоящее время во всей Европѣ.

Отъ Чупанъ-Аты до Самарканда считается восемь верстъ и на этомъ разстояніи видѣнъ весь городъ, съ зубчатыми вершинами его городскихъ стѣнъ и цитадели. Изъ общей массы садовъ, прерываемыхъ плоскими крышами обывательскихъ домовъ, выступаютъ продолговатые куполы старинныхъ мечетей, съ высокими плоскими вершинами тонкихъ минаретовъ, громадные арки городскихъ воротъ и грандіозные портики полуразрушенныхъ медресе. Все это утопаетъ въ зелени тополей, абрикосовъ, грушъ, яблонъ, вишенъ и темной зелени абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ и надъ всемъ вѣчно синее небо, на которомъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ не показывается ни малѣйшей тучки. Зато въ этихъ широтахъ вѣтъ,

повидимому, постепеннаго перехода между временами года, и если теплое время сопровождается сильными жарамъ, то и зима, въ свою очередь, весьма сурова, такъ какъ морозы достигаютъ нѣрѣдко до тридцати и болѣе градусоу по Реомюру.

Главныя очертанія современнаго Самарканда — разрушительный видъ, котораго, также, какъ и другихъ нашихъ среднеазиатскихъ городовъ, долженъ, со временемъ, совершенно измѣниться — остались почти тѣ же, что были и въ славное время Тимура и его преемниковъ, только городъ значительно уменьшился, такъ какъ въ немъ, по приблизительному исчисленію, считается до тридцати тысячъ жителей, хотя венгерскій лингвистъ Вамбергъ считаетъ населеніе Самарканда въ весьма неопредѣленныхъ цифрахъ, отъ 15 до 20,000 жителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Славянскія искусства и литературы.

Вѣтъ 20 (8) декабря.

Некрологи: Михаилъ Вербицкій. — Василій Лиховичъ. — Прешпрена, отецъ новѣйшей славянскій литературы. — Празднованіе его памяти. — Славянское пѣвческое общество въ Вѣнѣ. — Цѣны за славянскія композиціи для хороваго пѣнія. — Попеченіе о славянскихъ искусствахъ въ Австріи. — Правительственные субсидіи литераторамъ и художникамъ. — Прістращіе въ ихъ распредѣленіи.

Въ текущемъ декабрѣ мѣсяцъ окончился въ Мамнахъ, въ Галицкой Русі, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, на 55 году отъ рожденія, русскій композиторъ Михаилъ Вербицкій. Онъ, своими композиціями для церковнаго пѣнія, составилъ себѣ почтенное имя; не менѣе замѣчательныя его труды и по міровой музыкѣ; о многихъ его композиціяхъ по этой части можно сказать, что онѣ обогащаютъ число достойныхъ произведеній русской національной музыки. Какъ все почти выдающееся на литературномъ и художественномъ поприщѣхъ лица, среди галицкихъ русскихъ, Вербицкій былъ неумолимымъ народнымъ дѣятелемъ и знаніе приходскаго священника представляло ему для этого широкую почву. Быть крѣпкимъ оплотомъ противъ полонизаціи, проводимой въ галицкой Русі подъ покровительствомъ австрійскаго правительства, воспитывать народъ въ русскомъ духѣ, распространять среди него русское образованіе — это первая задача лучшихъ людей среди галицкихъ русскихъ, и первая необходимостъ для здѣшнихъ литераторовъ и художниковъ, если они хотятъ, чтобы ихъ произведенія не пропали даромъ.

Русскіе въ сѣверо-восточной Венгріи недавно лишились тоже одного изъ лучшихъ своихъ литературныхъ и національных дѣятелей, О. Василія Лиховича, профессора лицея въ Ужгородѣ (Ungvár), умершаго тамъ же, мѣсяцъ тому назадъ. О. Лиховичъ сдѣлался извѣстнымъ, помимо своихъ глубокихъ знаній, своихъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, главнымъ образомъ, еще и своими незабвенными заслугами при основаніи столь важнаго для умственнаго развитія венгерскихъ русскихъ, «Литературнаго общества св. Василія Вел.» въ Ужгородѣ. Его стараніямъ и вліянію обязаны мы тѣмъ, что это надежное общество уцѣлѣло отъ гоненій со стороны мадяровъ, которымъ оно подвергалось, особенно сильно, въ первые годы своего существованія. Ужгородская газета «Свѣтъ» посвящаетъ памяти покойнаго Василія Лиховича статью, исполненную глубокаго сочувствія.

Вѣнскіе славяне на дняхъ праздновали память славянскаго писателя Прешпрена, отца новѣйшей словенской поэзіи. Празднество устроила «Slovenska mladina na Dunaji» (общество словенцевъ, проживающихъ въ Вѣнѣ). Въ красиво убранной національно-славянскими цвѣтами и эмблемами залѣ собралась многочисленная публика, состоявшая изъ представителей всѣхъ почти отдаленныхъ славянскихъ народовъ; были русскіе и поляки, югославяне всѣхъ племенъ (сербы, болгары, хорваты и словинцы), но самый главный контингентъ представляли чехи, которыхъ живетъ въ Вѣнѣ около 150 тысячъ человекъ. Предсѣдатель словенскаго общества «Младина» сказалъ рѣчь о дѣятельности Прешпрена и его значенія для словенской литературы. Затѣмъ послѣдовали рѣчи и чтенія на всевозможныхъ славянскихъ языкахъ, учено-литературнаго и политическаго содержанія. Между тѣмъ, прибыло до двадцати телеграфическихъ привѣтовъ изъ разныхъ славянскихъ краевъ, которые были прочтены въ слухъ всему собранію. Въ заключеніе послѣдовало нѣсколько музыкальных пѣсней, но большей части вокальных, исполненныхъ вѣнскими «Славянскими пѣвческимъ обществомъ». Въ числѣ хороу пѣлись только исключительно произведенія славянскихъ композито-

Ресжірная Ілюстраціі

№ 108.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 4.

23 Января 1871 года.



Война:—Отобраніе оружія у горожанъ Версаля.

(Грав. А. Дугель).

ставил г. академик Гунь на наши петербургскія выставки. Мы даже готовы, — соображал индивидуальныя достоинства и лучшія стороны таланта художника, — съ увѣренностью высказать, что живопись женскихъ фигуръ преимущественно составляетъ копейскъ дарованія г. Гуна. Особенно, если онъ не будетъ задаваться кровавыми сценами французской исторіи, далеко не гармонирующей съ особенностями и наклонностью его таланта къ приятнымъ эффектамъ. При такихъ обстоятельствахъ, всегда, милостивыя сами по себѣ, женскія формы, не выступающія съ огнемъ страстной энергіи изъ-за мужскихъ персонажей, — хотя также не совсѣмъ опредѣленнаго характера, однако, болѣе или менѣе, суровыхъ, или внушающихъ даже антипатію, — еще болѣе оказываются холодными, безучастными и мало, или совсѣмъ ничто не выражающими. Точно такое дѣйствительно впечатлѣніе производитъ на зрителя женская фигура въ сценѣ, названной эпизодомъ «Вароламееской ночи» г. Гуна. Опредѣленностью же и полнотою выясненія характера не отличается, къ несчастію, и единичная фигура вооруженнаго мужчины, нашивающаго крестъ, — въ другой картинѣ этого же художника, бывшей на одной изъ прошлыхъ выставокъ, носящей тоже имя «Эпизода изъ Вароламееской ночи» и принадлежащей теперь Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Характеръ героя боини гугенотовъ, въ этомъ *шедеврѣ*, — все интересы котораго какъ бы сосредоточились на его занятіи, — намъ кажется, по менѣйшѣ мѣрѣ, мало понятнымъ и мелочнымъ, если не совсѣмъ фальшивымъ. Между тѣмъ, человѣчно-правильное выясненіе, хотя одного преобладающаго чувства и затѣвъ характера личности, въ одномъ лицѣ воплощающей по мысли художника цѣлое историческое событіе, отразившееся въ ювковыхъ бѣдствіяхъ, мы считаемъ настолько неперемѣннымъ условіемъ, что несоблюденіе его, т. е. недостаточность выраженія въ лицѣ персонажа, для нагляднаго пониманія зрителемъ мысли композитора, равносильно неуспѣху задачи. Не должно въ этомъ случаѣ извинять художника и ограниченностью техническихъ условій, потому что мастерское выполненіе имъ всякаго рода деталей уничтожаетъ возможность допущенія въ композиторѣ неполнаго обладанія средствами искусства. Если же искусство — покорная раба мысли художника, то что иное, какъ не объемъ умственнаго кругозора и не направленіе его творчества можетъ служить масштабомъ для оцѣнки удовлетворительности или недостаточности созданія характера? Не впадаемъ теперь въ обсужденіе этой стороны индивидуальнаго характера таланта г. Гуна, мы очень рады, что разсматриваемая нами картина художника имѣетъ достоинства, освобождающія насъ отъ необходимости ставить тотъ вопросъ на первое мѣсто. Что талантомъ художникъ нашъ обладаетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній: подъ кистью его — живетъ и мечтаетъ молодое, прекрасное существо, полное страсти, можетъ быть и глубокой, но только еще начинающейся. Тихая задумчивость, противъ желанія, спускаясь непримѣтно, занимаетъ умъ дѣвушки своими, еще такъ для нея новыми, грѣзами на аву. Какъ и отчего это дѣлается, она сама не даетъ себѣ отчета, но чувствуетъ, что она сама не своя. Не тысячи ли разъ носила она въ передникѣ цвѣты, еще болѣе красивые, чѣмъ эти, но мысли имъ до того не занимались, не приходили, не внушали чего-то сладкаго и какъ бы страшнаго, бросающаго то въ жаръ, то въ холодъ, и занимающаго духъ ускореннымъ бѣшеніемъ сердца. Теперь онъ ройся, развиваются и приковываютъ къ земаѣ ноги красавицы.

Вотъ это-то выраженіе новаго, неизвѣстнаго до того бѣдной дѣвушкѣ, чувства и нѣжной мечтательности, осязательно передана кисть Гуна въ прекрасныхъ чертахъ Итальянки. И такія стороны характера не полной, еще неопредѣлившейся страсти — отличительная особенность нашего художника. II — въ.

Самаркандъ.

(Продолженіе).

Самаркандъ лежитъ не на самой рѣкѣ Зарышанъ, но верстахъ въ шести отъ нея. Рѣка Зарышанъ, имѣющая до трехъ сотъ верстъ теченія, направляющаяся съ востока на западъ, беретъ свое начало въ отрогахъ Тянь-Шаня, именно въ Горномъ озерѣ Искандеръ-Куль (озеро Александра Великаго); но такое опредѣленіе еще не проверено никакою ученою экспедиціею, для которой возможность проникнуть въ эти страны еще далеко впередъ. Рѣка Зарышанъ отъ Самарканда до озера Кара-Куль, служащаго ей источникомъ, несудоходна и безрыбна въ томъ смыслѣ, въ

какомъ считаются рыбныя рѣки, подобныя Волгѣ, Дону, Сѣверной Двинѣ, Уралу, Иртышу и другимъ. Маловодность рѣки Зарышана зависитъ также, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что виды ея главнаго и побочнаго русла отводятся оросительными каналами, питающими богатые поля, которыя расположены по теченію этой рѣки. За то плодородіе этихъ странъ, составляющее основу благосостоянія и, сравнительно, мирныхъ нравовъ мѣстныхъ жителей, давно и постоянно привлекало всевозможныхъ завоевателей, которые, однакожъ, также быстро исчезали, какъ и появлялись, разнося по всей Средней Азіи громкую славу объ этихъ богатыхъ странахъ.

Теперешній Самаркандъ, о достопримѣчательностяхъ котораго мы поговоримъ въ слѣдующій разъ, пріютилъ въ своихъ древнихъ стѣнахъ новыхъ завоевателей, которые, обладая могущественными средствами европейской цивилизаціи, должны были вести въ отдаленныя страны Средней Азіи спокойствіе и благосостояніе, давно уже нужныя для прочнаго развитія народовъ, населяющихъ эти страны. Если для Россіи было въ свое время тяжело монгольское иго, то несомнѣнно, что, для средне-азійскихъ монголовъ, наше иго будетъ легко и благотворно, и христіанская терпимость смягчитъ мусульманскій фанатизмъ, такъ долго поддерживаемый въ народѣ безграничною нетерпимостью духовенства и эмировъ — политическихъ и духовныхъ владыкъ Средней Азіи.

Русскихъ привели въ эти страны важные торговые интересы и, можно сказать, что здѣсь побѣдило не оружіе нашего солдата, но паровые станки и приводе нашихъ фабрикъ и заводовъ! Бухара, Ташкентъ, Хива, Самаркандъ и другіе торговые города, раньше чѣмъ узнали силу русскаго оружія, познакомились уже съ силою нашей мануфактурной производительности; раньше, чѣмъ наши среднеазійскіе подданные начали платить намъ государственныя подати, стали платить намъ дань за тѣ произведенія нашей промышленности, въ которыхъ они нуждались, внося эту дань въ видѣ шолка, хлопка, кожь, мѣховъ, шерсти и другихъ сырыхъ продуктовъ.

Утвердившись на крайнемъ Востокѣ и обезпечивая постепенно наши новыя владѣнія отъ безпокойныхъ сосѣдей, мы, подобно тому, какъ и въ другихъ нашихъ восточныхъ владѣніяхъ, немедленно же организовали мѣстное управленіе, въ которомъ дано широкое мѣсто народнымъ обычаямъ и учрежденіямъ, смягчая, гдѣ можно, варварскія законы, порожденные крайнимъ деспотизмомъ и грубостію взгляда на значеніе человѣческой личности.

Жители Самарканда, оказавъ въ первый моментъ сопротивленіе русскимъ войскамъ, въ настоящае время начинаютъ привыкать къ новому правительству, преимуществу котораго, въ сравненіи съ прежними туземными правительствами, они успѣли уже вполне оцѣнить. Торговля Самарканда начинаетъ увеличиваться; земледѣліе получаетъ новое развитіе, со введеніемъ тонковолокнистыхъ породъ хлопчатника; шовководство пользуется особымъ покровительствомъ русскихъ властей и обѣщаетъ значительное развитіе въ будущемъ.

Съ занятіемъ Самарканда, сношенія наши съ Бухарою и Боканномъ на столько обезпечены, что русскіе правительственные агенты и представители торговыхъ домовъ могутъ совершенно безопасно появляться въ предѣлахъ этихъ, еще такъ недавно недоступныхъ для европейца, странъ. Теперь нѣтъ надобности, подобно извѣстному путешественнику Вамбери, принимать на себя тяжолую и опасную роль дровиша или хаджи, чтобы ознакомиться съ интересными странами среднеазійской жизни.

Русскіе въ Самаркандѣ живутъ преимущественно въ крѣпости, отдаленной отъ города небольшою гласисомъ. Въ самомъ городѣ находится власті военнаго-народнаго управленія, а также купцы, промышленники и нѣкоторые ремесленники. Общество русскихъ на столько велико, что можно было устроить клубъ, посѣщаемый также и дамами, общество которыхъ высоко цѣнится въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Въ Самаркандѣ находится также русская церковь — первый христіанскій храмъ въ этомъ священномъ для магометанъ городѣ, въ стѣнахъ котораго покоится прахъ великаго Тамерлана и гробница Тимура, изображенная на одномъ изъ нашихъ рисунковъ. Объ этой гробницѣ, о мечетяхъ, медресе и другихъ достопримѣчательностяхъ Самарканда поговоримъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Березницкая церковь.

Въ Гродненской губерніи, въ Слонимскомъ уѣздѣ есть богатое и промышленное мѣстечко, именуемое Ружаны. Названіе это происходитъ отъ польскаго слова *ружа* — по русски *роза*. Не надобно, впрочемъ, предполагать, что слонимскій уѣздъ носитъ на себѣ какой-либо особенно замѣтный отпечатокъ польскости: вовсе нѣтъ; это — уѣздъ, сплошь населенный кореннымъ русскимъ людомъ, только въ весьма небольшой части окатоличеннымъ, косендзами и панамъ; но несравненно значительнѣйшая масса крестьянства чисто православная. Старообрядцевъ въ слонимскомъ уѣздѣ вовсе нѣтъ; жиды и литовцы тоже вовсе не имѣются. За то евреевъ много множество «какъ въ самомъ городѣ Слонимѣ, такъ и въ слѣдующихъ двадцати такъ называемыхъ мѣстечкахъ, составляющихъ поземельную собственность или казны, или частныхъ лицъ. Все мѣстечки кишатъ евреями, разпространившимися здѣсь издавна и появившимися даже въ средѣ крестьянскаго населенія, а всего больше пріютившимися въ ближайшее сосѣдство крестьянъ — въ помѣщичьи имѣнія, гдѣ они, при своей лѣнжности и при нахожденіи пановъ въ долгу какъ въ шапку, царятъ надъ всѣмъ, и надъ панамъ, и надъ панскими батраками — тѣми же крестьянами, но, безземельно, нищими заработковъ постоянныхъ у помѣщиковъ.

Названія этихъ мѣстечекъ во многихъ случаяхъ сильно ополчены: древнее Дитоаво зовется Здзенецъ, древніе Визовцы зовутся Вендзевъ, стародавніе дворцы зовутся Двоецъ и пр. и пр.

Казенное мѣстечко Ружаны тоже обильно заселено евреями. Все они мѣщане, платившіе за право пользования мѣстомъ для своихъ построекъ такъ называемый *вѣчный* — *чиншъ*, или оброкъ, но теперь и они сдѣлались тоже земледѣльцами, такъ какъ *платить* ихъ, то есть усадьбы съ огородами, переходятъ имъ въ нѣмъ на правѣ полной собственности по выкупнымъ или такъ называемымъ лѣстраціоннымъ актамъ. Ружаны замѣчательны суконными фабриками.

Слонимскій уѣздъ былъ знаменитъ и до доселѣ еще, говоритъ, славится великолѣпною «старою», старою водкой, до такой степени высокоцѣнной любителями и знатоками, что тѣ не просто пьютъ ее, какъ всякую чарку водки, а, такъ сказать, сосутъ и цѣдятъ связъ зубы, точно какой нибудь нектаръ. Осушная рыбка водки, дѣйствительно старой, въ продолженіи трехъ-четырехъ часовъ все еще издаетъ благоуханный запахъ самого чиста липца, липецкаго меда, не того меда, который, будто бы, готовится въ городѣ Липецкѣ, а того, для котораго пчелы всю сласть съ цвѣтовъ собираютъ въ мѣсяцъ липецъ. Особенно хорошъ липецъ, не въ видѣ варенаго меда, а натурой, въ Бѣловѣжской пущѣ (пуща — дикій лѣсъ, сибирская тайга).

Для гастрономовъ слонимскій уѣздъ заманиваетъ не одной «старушкой», старою, старою водкой: старые меды штука тоже не посабная. Ну, конечно, съ несчастнаго 1863 года и старкіи, и питейныхъ медовъ многолько такъ поспарилося, многолько поутекло въ русскіе желудки новоприбывшихъ ратныхъ людей и лицъ чиновнаго званія, но какъ меды водились и на Жмуди, то есть въ Ковенской губерніи, то и того и другого можно по малости отыскать даже и до сегодня, даже и въ продажѣ, даже въ самой Вильнѣ. Говорю «даже въ продажѣ», потому что въ здѣшней сторонѣ помѣщичьи паны все еще, какъ дикари, чуждаются торговли, а старка и питные меды только у помѣщиковъ и могли водиться. Здѣсь дичь такая, что увидѣть помѣщичій продуктъ, какъ товаръ, въ продажѣ — такая рѣдкость. Знаменитыхъ гродненскихъ, бѣльскихъ трифлей, волково-выскихъ и кобринскихъ сыровъ, въ родѣ «бри», пружанской манны самородной, дикихъ козь и досей въ правильной продажѣ вовсе нигдѣ не увидишь. Но вотъ, оправдываясь тяжестію тугихъ временъ, помѣщики пустились въ торгъ дѣдовскую старку. Въ Вильнѣ есть магазинъ въ родѣ Петербургскаго A la Reponse — это Флорентини: у него бутылка этой водки продается по три рубля серебромъ. Въ одномъ изъ узенькихъ презенькихъ жидовскихъ переулочковъ Вильны, есть лавочка еврея Кашенельбогена: у него есть старый медъ по пяти рублей бутылочка. По этимъ цѣнамъ можно ужъ судить о достоинствѣ этого нектара.

Богатъ слонимскій уѣздъ и дикими розами — (по польски *сірка*) доставляющими великолѣпное жаркое. Лось, кабанъ, тетери, куропатки, рябчики — фу, Боже мой, что за бездна здѣсь дичи какой вамъ угодно и самого дикаго характера!

Въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Ружанъ есть

несколько обидным для Франции анахронизмом, так как плоды этого мнимого прогресса обнаружались слишком явно и оказались крайне безотрадны. Кроме г-жи Лагранж, наибольший эффект произвела в комедии Сарду г-жа Поль Эрнест, исполнявшая роль старой ханжи. Несмотря на живое еще в публике воспоминание о г-же Волинск, умная артистка сумела выдержать соперничество с своей гениальной предшественницей, ни сколько не уронив себя.

На иезецкой сцене единственною новостью за последнее время была трех-актная комедия Розена «Fromme Wünsche», которая, однако, по натянутости вымысла, не имела ни малейшего успеха. Сущность ее состоит в том, что молодой человек в разговор с приятелем выразил надежду подолбить сердце одной богатой наследницы и разговор этот был неверно передан отцу ее, весьма свѣдущему богачу-фабриканту. Между тем, смѣлая эта надежда была высказана не тем юношей, которому ее приписывали, а другим, что первый и открывает как отцу, так и дѣвицѣ, присовокупивъ, что не имѣет даже ни малѣйшаго желанія просить ее руки. Это подзадоривает ее самолюбие и она начинает имъ интересоваться. На такую тему можно было бы написать что нибудь забавное и живое, но Розенъ обработал ее слишком небрежно и потому всѣ сцены въ его пьесѣ вышли притянутыми за волосы, вслѣдствіе чего и наводят на зрителя скорѣе уныніе, чѣм веселость. Артисты, при всемъ желаніи, не могли поддержать такого слабаго произведенія, которое и постигла вполне заслуженная имъ участь—то есть паденіе.

Статья наша была уже отослана въ типографію, когда въ Александринскомъ театрѣ проходило пер-

вое представленіе новой комедіи А. А. Потѣхина «Въ мутной водѣ». Пьеса эта была напечатана въ прошедшемъ году въ «Отечественныхъ запискахъ», подъ названіемъ «Рыцари нашего времени» и теперь явилась въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, съ перемѣною заглавія. Мы еще поговоримъ о ней подробнѣе въ слѣдующей хроникѣ, а теперь скажемъ только, что она имѣла успѣхъ и что авторъ нѣсколько

разъ весьма единодушно былъ вызванъ вмѣстѣ съ исполнительными главными ролей, между которыми особенно выдѣлся г. Монаховъ, изображавшій русскаго юношу, обитчившагося въ Дерптскомъ университетѣ. Въ цѣломъ, однако, комедія смотрѣлась довольно тяжело, чему не мало способствовали необыкновенно длинные антракты.

W.

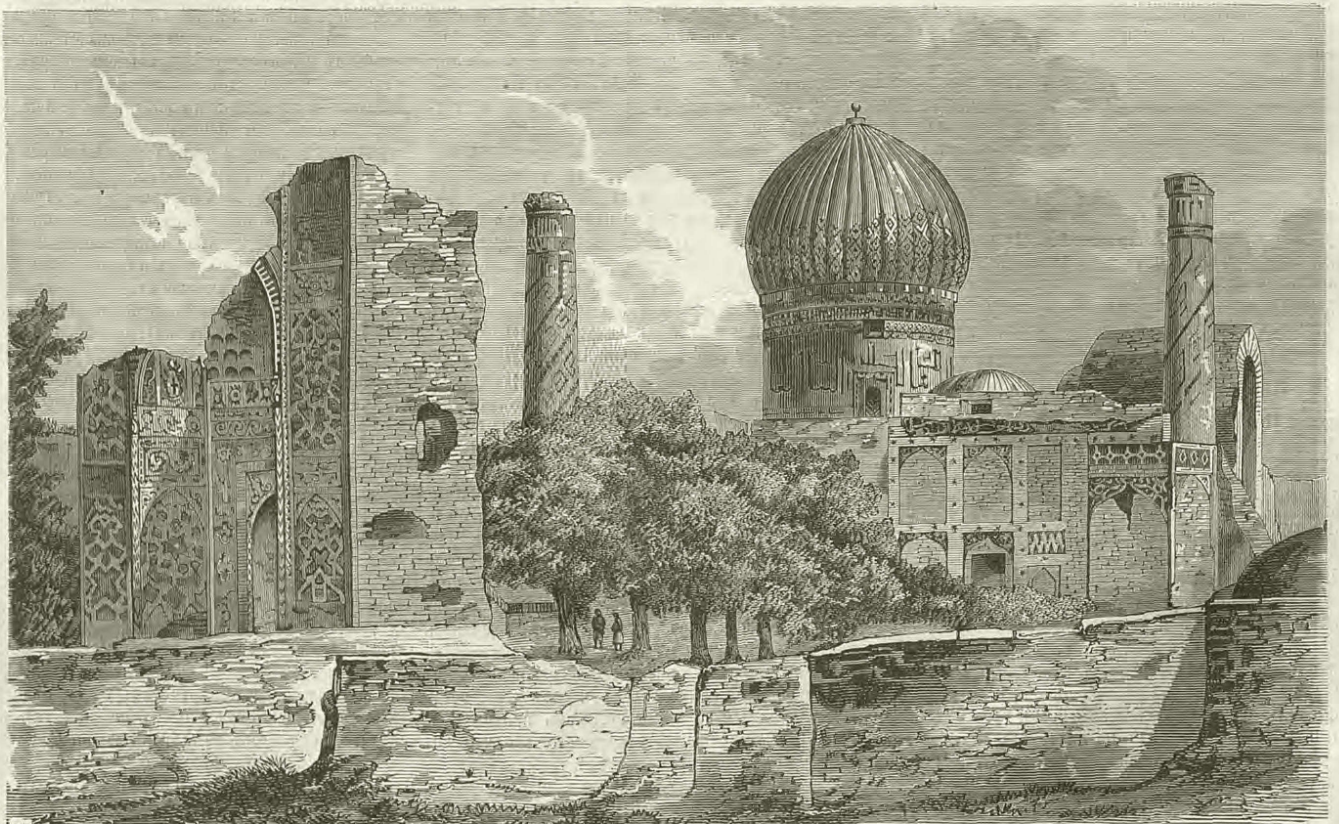
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

За старымъ годомъ осталось еще нѣсколько музыкальных событій, о которыхъ мы не успѣли побесѣдовать съ читателями «Всем. Иллюстр.» въ прошломъ своемъ обзорѣ.

Начинаемъ съ «Амалатъ-Бека». Объ этой новой оперѣ г. Афанасьева писалъ уже нашъ предшественникъ; считаемъ, однако, не лишнимъ сказать о ней нѣсколько словъ и съ нашей точки зрѣнія. Опера эта «провалилась», какъ говорится, безслѣдно; публика приняла ее болѣе нежели холодно, музыкальная критика—далеко не благосклонно. Спрашивается: заслужилъ ли «Амалатъ-Бекъ» подобную участь? Конечно, нѣтъ. Г. Афанасьевъ, какъ извѣстно, въ продолженіи многихъ лѣтъ тщетно добивался отъ дирекціи постановки своей оперы, между тѣмъ, какъ та же дирекція не отказала въ этомъ автору такого музыкальнаго курьоза, каковъ «Вильямъ Ратклифъ»; ужъ одно это обстоятельство должно было заранѣе повредить г. Афанасьеву во мнѣніи большинства публики: «если, разсуждаетъ это большинство, дирекція не отказала г. Кью, а отказываетъ г. Афанасьеву, значитъ опера послѣдняя—ниже всякой критики». Г. Афанасьеву слѣдовало довольствоваться тѣмъ успѣхомъ, который могли бы имѣть отдѣльные отрывки изъ его оперы, испол-



Самаркандъ: Гробница Тамерлана въ мечети Гурамірѣ.
(Съ наброска Иванова, рисов. на дер. О. Май, грав. Л. А. Стряковъ).



Самаркандъ: Мечеть Гурамірѣ.
(Съ наброска Иванова, рисов. на дер. А. Н. Нисченковъ, грав. Ф. Герасимовъ).

нейные на концертах; темъ болѣе, что опера его, взятая въ цѣломъ, дѣйствительно не удовлетворяетъ многимъ требованіямъ. Что побудило, напримѣръ, г. Афанасьева строить «мужскую» роль Али, молочнаго брата Амалят-Бека, на сопрано и поручать къ тому же эту роль г-жѣ Дмитріевой? Г-ну Афанасьеву вѣдь должно же быть извѣстно, что для передачи мужскихъ партій женскимъ голосомъ, буде того потребуютъ сюжетъ и музыкальная архитектура оперы — существуетъ специальный женскій голосъ контральто; неужели самъ г. Афанасьевъ, слушая своего череса Али, поющего дискантомъ, не перенесся воображеніемъ изъ Дагестана въ сикстинскую капеллу? Одна ошибка порождаетъ другую: для альта пришлось поневолѣ создавать вводную, совершенно лишнюю роль Эльмаза; такъ не проще и лучше бы развѣ было уже съ самаго начала слить обѣ роли Эльмаза и Али въ одну и поручить ее альтовому голосу? Второй вопросъ: къ чему эта жиденькая, едва замѣтная создательская струйка «какъ подъ яблонью», совершенно не ксати пропозывающая тамъ и сямъ остальную оперную фактуру? Такой пріемъ ужъ слишкомъ напоминаетъ адмиралтейскую площадь, съ ея битвами русскихъ съ ка-

бардинцами, рѣжетъ глазъ и оскорбляетъ чувство. Слѣдовало ввести въ оперу русскую жизнь цѣликомъ и дать ей самостоятельное, характерное мѣсто, на подобіе того, какъ поступилъ Глинка съ польскимъ элементомъ въ «Жизни за Царя», или же — вовсе не задаваться этою задачею. Но всего прискорбнѣе недостатокъ выдержки въ концепціи основнаго музыкальнаго плана. Г. Афанасьевъ, очевидно, стремился придать своей оперѣ восточный колоритъ; нѣкоторые фразы и мотивы дѣйствительно типичны и неподдѣльны; ихъ онъ разработалъ особенно тщательно и подчеркнул въ оркестрѣ довольно яркими красками;

а въ оперѣ — онѣ оскорбляютъ эстетическое чувство и здравый смыслъ. Мы привели самые крупныя недостатки оперы, которые поражаютъ всякаго толковаго слушателя, даже не особенно музыкально-образованнаго. Безпристрастія ради скажемъ теперь въ защиту г. Афанасьева, что недостатки эти все таки не на столько крупны, чтобы оправдать ту жестокую холодность, съ которою встрѣтила публика его оперу. Публика, которая съ такимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушиваетъ, даже наслаждается дюжинными, на живую нитку сплоченными, операми новѣйшей итальянской школы, ужъ никакъ

но эти отдѣльными удачными мѣста исчезаютъ въ цѣломъ морѣ безцвѣтной капелмейстерской музыки, или же сталкиваются съ плагиативнымъ вдохновеніемъ самаго отчаяннаго итальянскаго стиля, и сталкиваются столь рѣзко, что ухо не рѣшается приписать подобную амальгаму творчеству одного и того же композитора. Трудно уловить себя, какимъ образомъ рѣшился напримѣръ г. Афанасьевъ сопоставить заунывную восточную пѣсню Эльмаза (во второй картинѣ третьяго дѣйствія) съ итальянскою каватиною Амалят-Бека; взятая отдѣльно, обѣ аріи, какъ романсы, могутъ имѣть въ концертахъ успѣхъ,



Самаркандъ: Городскія ворота.

(Рисов. на дер. А. О. Адамовъ, грав. К. Вейерманъ).



Самаркандъ: Внутренность русской церкви.

(Съ наброска Иванова, грав. Л. А. Сѣряковъ).



№ 109.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 5.

30 Января 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Ив. Г. Соловьева,
А. Ланга, М. М. Чернина и Б. Поста), безъ доставки 13 р. 50 к.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШОГО ДВОЙНОГО ЛИСТА
ВЪ 16 СТРАНИЦЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ 16 р.
2. Австрія и Румынія 16 »
3. Бельгія, Швейцарія, и Сербія 17 »
4. Франція, Швеція и Данія 19 »
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція 21 »
6. Италія 19 »
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты 21 »

Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика. — Новѣйшія извѣстія. — Вѣсти о войнѣ между Германіей и Франціей. — Разныя извѣстія. — Александръ Николаевичъ Сѣровъ. — Бордо. — Марія, королева испанская. — Корреспонденція: 1) Изъ Кавани; 2) Изъ Чернигова; 3) Изъ Воронежа. — Цыганскій хоръ. — Самаркандъ (продолженіе). — Паровая мукомольная мельница коммерческаго агента военнаго министерства комерціи совѣтника Фейтмана. — Фельетонъ. — Общественно-историческій дневникъ. — Библиографія. — Новости науки и цивилизаціи. — Некрологи. — Шахматы. — Объявленія.

РИСУНКИ: Александръ Николаевичъ Сѣровъ. — Война между Германіей и Франціей: 1) Вылазка французовъ изъ Монъ-Валерьяна подъ Парижемъ; 2) Императоръ Вильгельмъ I посѣщаетъ раненыхъ въ Версальскомъ дворцѣ; 3) Французскій охотникъ за картофелемъ; 4) Театральная площадь въ Бордо. — Марія, королева испанская. — Хоръ цыганъ. — Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейтмана, въ С.-Петербургѣ III и IV (2 рис.). — Сцены и рисунки изъ книги «Живописная Японія»: 1) Театръ въ Иедо; 2) Бани въ Иедо.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

26 января 1871 г.

Въ нашей внутренней политикѣ не произошло за послѣдніе семь дней рѣшительно ничего, заслуживающаго быть занесеннымъ въ это ежедневное обозрѣніе.

Интересъ нашей публички продолжаетъ сосредоточиваться на событіяхъ, знаменующихъ нынѣшній эпизодъ франко-германской войны, а потому, мы и считаемъ себя въ правѣ прямо перейти къ этому эпизоду.

Къ глубокому прискорбію нашему оказывается, что мы были совершенно правы, выражая въ прошедшій разъ нѣкоторыя опасенія на счетъ послѣдствій необычной формы, въ которой было заключено парижскимъ правительствомъ народной обороны перемиріе съ германскими войсками. Наши предположенія, по поводу роли, которую будетъ играть въ этомъ дѣлѣ провинціальныи диктаторъ, г. Гамбетта, начинаютъ, повидимому, сбываться. Вокругъ этого члена временнаго правительства группируются нынѣ всѣ недовольные условіями перемирія, и въ Бордо, не сегодня такъ завтра, можетъ образоваться новый правительственный центръ, который своими дѣйствіями можетъ сдѣлать бесполезною и сдачу Парижа, и мирные переговоры въ Версали. Постараемся разсказать какъ можно короче, какимъ образомъ народилась и нависла надъ политическимъ горизонтомъ Франціи эта новая туча.

Мы уже сообщали въ прошедшій разъ, что, подъ влияніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него извѣстіемъ о сдачѣ Парижа, г. Гамбетта подалъ въ отставку. Оказывается, что этотъ первый шагъ его не имѣлъ рѣшительно никакихъ послѣдствій, и что когда въ Бордо была получена депеша изъ Парижа, извѣщающая о перемиріи, глава бордоской делегаціи снова сталъ дѣйствовать въ качествѣ диктатора. Онъ обнародовалъ полученную депешу, сопровождая ее прокламаціей, въ которой заключалось военное порицаніе дѣйствій парижскаго правительства и перемиріе объяснялось въ видѣ простаго приостановленія военныхъ дѣйствій, послѣ котораго борьба должна возобновиться съ новымъ ожесточеніемъ. На капитуляцію Парижа г. Гамбетта смотритъ, или притворяется, будто смотритъ, какъ на простую сдачу укрѣпленнаго города, а на условія, заключенныя въ Версали, какъ на условія, отнюдь не обязательныя для всей Франціи.



Александръ Николаевичъ Сѣровъ, † 20 января.
(Рисов. на дер. П. Ф. Борель, грав. А. Дугель).

Цыганский хорь.

Передь читателями нашими картинка, хорошо знакомая очень многим из них. Правда, золотое время цыгань закатилося; эти сотни тысяч, потраченных хоть бы в одномъ Петербургѣ на всякихъ Груней и Маней, изними молодыми и старыми барчуками, давно укатились отъ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ съ холодными струями Невы и, говорятъ, много способствовали образованію напосовъ и отмедей у устья Невы... тѣмъ не менѣе еще живо преданіе, еще существуютъ, какъ самая Мани и Груни, такъ и барчуки, съ ихъ дырчатыми карманами. Далеко по Россіи, въ Харьковѣ, Кіевѣ, Нижнемъ и Казани, забвѣшему путешественнику, остановившемуся въ лучшей гостиницѣ (лучшихъ гостиницъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ обыкновенно одна, остальные гораздо хуже), приходится натолкнуться, совершенно неожиданно, на хоръ цыганъ.

Усталый съ дороги, почти непремѣнно запоздавший на нѣсколько часовъ, благодаря нашимъ железнодорожнымъ порядкамъ, путешественникъ, умывшись и приодѣвшись, входитъ въ столовый залъ, дабы обратиться къ съѣстной картѣ и пріейтъ курянту винъ. Въ ярко освѣщенной залѣ, какъ напримѣръ, въ Харьковѣ, освѣщенной газомъ сильно, даже неприятно сильно, за столиками, между публикою, сидятъ цыганки, болѣе или менѣе старыя. Старѣйшія непремѣнно въ длинныхъ шоломовыхъ, черныхъ таллахъ, — юнѣйшія, часто дѣйствительно хорошенкія, безъ талль и въ пестрыхъ костюмахъ, съ сильными преобладаніемъ краснаго цвѣта. Мужской персоналъ цыганъ держится угловъ залы и своего собственного круга: этихъ господъ нѣтъ прямого расчета приглашать кушать и пить, они появляются на сцену только слѣдующимъ образомъ.

Кому нибудь изъ присутствующихъ, часто охмѣлевшему, приходитъ фантазія послушать цыганъ. Это удовольствіе не дорогое. Собрать хоръ и заставить его пропѣть три пѣсни, стоитъ 3 или 5 рублей. Кромѣ условныхъ трехъ пѣсенъ и заканчивающей ихъ пляски со вздергиваніемъ плечъ и судорожнымъ сжиманіемъ всей поверхности тѣла плянущихъ, цыгане, обыкновенно, поютъ еще одну или двѣ граціонныя, даровыя пѣсни.

По данному знаку, разбросанные по залу участники хора приходятъ въ движеніе. Передъ столомъ, за которымъ сидитъ заказавшій хоръ, устанавливается полукругомъ рядъ стульевъ, за стульями вытягиваются во весь ростъ черноволосые цыгане, по стульямъ усаживаются цыганки, старухи въ центрѣ, раздаются звуки двухъ-трехъ гитаръ и пѣнье начинается.

Цыганское пѣнье такъ характерно, что оригинальность эта не требуетъ подтвержденія. Гиканье и возгласы, затгиванье долгихъ, долгихъ нотъ, неожиданное обрваніе мотивовъ, все это хорошо знакомо намъ, русскимъ, и не одна цыганская пѣсня стала у насъ народною и поется на Волгѣ и Днѣпрѣ со всевозможными вариантами текста и голоса. Болѣе всего любви и дороги цыганскія пѣсни въ провинціальныхъ саонахъ, гдѣ надоманные тенора и хрипящие басы не разъ удивляютъ свои аудиторіи сіаю чувства и выразительностью декламации. Не одна провинціальная красавица сдалась стрѣлявшему въ нея взглядами счастицу и счастливецъ чувствовалъ себя возвышеннымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ сіаю цыганской пѣсни.

Въ Петербургѣ, гдѣ еще жива память знаменитаго Ильи, удовольствіе слышать цыганъ стоитъ значительно дороже. На ужины и обѣды у Бореля и Дюссо — пригласить хоръ цыганъ, для того, чтобы потѣшить компанію и облегчить пищу и виновареніе, — стоитъ отъ 100 до 150 руб. Многимъ господамъ подобная сумма ровно ничего не значить и цыганамъ приходится въ мѣсяцъ весма и весма крупный кушъ. Весма, кому случалось ужинать у Бореля, безъ цыганъ, приходилось, конечно, слышать издали, изъ соседняго нумера, скачку по переилямъ цыганскихъ пѣсенъ. Часто слышны бываютъ всякія восклицанія и не совсѣмъ музыкальнаго характера и далеко не оригинальныя...

Самаркандъ.

(Продолженіе).

Столица Тимура, прахъ котораго покоится въ стѣнахъ Самаркандъ, широко раскинулся среди цвѣтущихъ и богатыхъ пригородныхъ вишляковъ (хуторовъ), окружающихъ городъ съ трехъ сторонъ. Кругомъ, куда ни оглянешся, — роскошные виноградники, прирожденные рисовыя поля, фруктовые сады, въ

которыхъ привольно растутъ персики, абрикосы, груши, айва и гранаты; огороды съ душистыми даями и огромными арбузами. Среди всей этой разнородной зелени змѣются серебристые арыки, усаженные широкими шелковичными деревьями и проводающіе съ ближнихъ горъ ручьи, питающіе жадную и сухую въ лѣтнюю пору землю. Надъ всѣмъ этимъ возвышаются зубчатые стѣны, окружающія городъ со всѣхъ сторонъ, стройныя минареты, шпірокіе и высокіе купола мечетей и медресе, арки городскихъ воротъ и болѣе четырехугольники караванъ-сараявъ; между этими публичными зданіями стоятъ однообразныя массы частныхъ домовъ, прерываемыхъ садами, которыхъ, кажется, нигдѣ нѣтъ столько, какъ въ Самаркандѣ.

Въ прежнее время, когда купола мечетей и медресе блистали цвѣтными изразцами и высокіе минареты стояли прямо, не пошатнувшись отъ времени и землетрясеній, видъ на городъ былъ еще живописнѣе. Среди такихъ прекрасныхъ окрестностей и при вѣчно голубомъ небѣ житель Самаркандъ, сидя подъ вечеръ на плоской крышѣ своего дома и любясь картиною, развѣтвляющеюся у ногъ его, могъ, съ восторгомъ, которому не часто предается восточный человѣкъ, воскликнуть въѣсть съ поэтомъ: «да, это рай земной!» Но европейца, требующаго прежде всего отъ города внутренняго комфорта, не способенъ слишкомъ увлечь живописный пейзажъ восточнаго города, такъ какъ ему по опыту извѣстно, что эта наружная красота скрываетъ такое отсутствіе всякихъ удобствъ, съ которыми на востокъ пельзя примириться; и если европейское населеніе въ восточномъ городѣ начинаетъ увеличиваться, то оно всегда поселяется въ особомъ кварталѣ, съ домами и улицами, устроенными на европейскій ладъ. Въ настоящее время русская колонія только что успѣла кое-какъ пріютиться въ Самаркандѣ и едва начинаетъ обстраиваться; но не пройдетъ пяти — шести лѣтъ — и здѣсь, подобно тому, какъ въ Ташкентѣ, вырастетъ русскій городъ.

По пространству, занимаемому Самаркандомъ, онъ кажется обширнѣе Бухары, такъ какъ окружающія его глиняныя стѣны имѣютъ тринадцатъ верстъ протяженія; но въ немъ много садовъ и отъ того онъ кажется болѣе обширнымъ. Домовъ можно считать приблизительно болѣе шести тысячъ, при тридцатитысячномъ населеніи. Городъ имѣетъ форму довольно правильнаго четырехугольника, на западной сторонѣ котораго выступаетъ отдѣльно цитадель, обнесенная особою, стѣною аршина въ три съ половиною вышины и сажени въ полторы у основанія; на вершинѣ стѣны находятся зубцы и выступы, издали кажущіеся башенками, — это такъ называемые бурджи, выведенные въ уровень съ вершиною стѣны. Самаркандская цитадель — самая большая во всей Средней Азій; она имѣетъ въ окружности до трехъ верстъ и занимаетъ площадь болѣе десяти квадратныхъ верствъ. Тутъ находится мусульманское кладбище, нѣсколько мечетей, изъ которыхъ три передѣланы и превращены въ жилыя зданія для помѣщенія русскихъ. Въ цитадели же помѣщается и клубъ.

Русская церковь изиною отдѣлана внутри; особенно красивы церкви врата изъ алебастра, свѣтлагося насквозь. Церковь можетъ вмѣстить человѣкъ пятьсотъ.

Во дворѣ эмира находится синій камень, на который каждый эмиръ садился при торжественной обстановкѣ и, только возвѣвши на этотъ преслауный камень, считалъ себя настоящимъ государемъ своего ханства. Русскій гарнизонъ, занимающій цитадель, состоитъ изъ двухъ батальоновъ линейной пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ, одной пѣшей батареи и полубатареи наръжныхъ орудій и крѣпостной артиллерійской команды. Остатки крѣпостныхъ работъ, приписываемыхъ войскамъ Александра (Александра Македонскаго), видны впередъ сѣверной части Самаркандъ. Здѣсь, по направленію къ берегу Зарифшана, лежитъ пустынное пространство, называемое Казанъ-Афрасиабъ, покрытое развалинами; дажѣ, къ рѣкѣ, на пространствѣ пяти верствъ видны еще слѣды бывшаго здѣсь садоводства. На западъ видны также многочисленные развалины, несомнѣнно, оставшіяся отъ древняго Маракандъ. Но, въ прежнее время, какъ до Тимура, такъ и долго послѣ него, городъ занималъ гораздо болѣе пространство и былъ разбросанъ во всѣ стороны, сливаясь съ садами и полями окрестныхъ поселеній. Съ горъ Агалыкъ-Тау проведена вода, распределяемая по городу тремя арыками, которые затѣмъ выходятъ за городскія стѣны и орошаютъ близлежащіе сады и огороды. Кромѣ того, въ городѣ находится нѣсколько прудовъ. Большая часть домовъ въ Самаркандѣ построена въ одинъ этажъ;

внутри нѣкоторыхъ домовъ находятся крытыя галереи, защищающія обитателей отъ лѣтней жары, по временамъ, невыносимой. Медресе (коллегіи, семинарии) и караванъ-сарай выстроены въ два этажа; въ верхнемъ этажѣ медресе живутъ ученики, въ нижнемъ читаютъ лекціи. Нижний этажъ караванъ-сараявъ составляетъ кладовая для товаровъ, въ верхнемъ помѣщаются купцы и провожатые каравановъ. Большая часть медресе устроены внутри дворовъ мечетей, у входа въ которые находятся большія ворота, съ минаретами по сторонамъ. Эти зданія составляютъ лучшія украшенія Самаркандъ и доказываютъ большое искусство строителей. Не говоря объ огромныхъ размѣрахъ мечетей и медресе, о громадныхъ аркахъ, поддерживающихъ широкоизогнутые купола, въ которыхъ соображены всѣ условія строительнаго искусства, — самыя стѣны и своды выложены узорчатыми изразцами синяго, зеленого и краснаго цвѣтовъ, сгруппированныхъ съ большимъ искусствомъ. На наружныхъ и внутреннихъ карнизяхъ куполовъ и на аркахъ, поддерживающихъ своды, вытѣся, выведенные по изразцу, синіе стихи корана.

Но болѣе много мечетей и медресе находятся въ самомъ жалкомъ видѣ: ворота и минары (минареты) попадали; своды обваливаются, и разрушеніе, начатое временемъ, землетрясеніемъ, дѣйтельно доканчивается людьми. У тамошнихъ храмовъ и коллегій безцеремонно расположились лавочки торговцевъ. Послѣдніе, грязь и растаскиваніемъ кирпичей, увеличиваютъ и обезображиваютъ развалины, хотя, съ другой стороны, все это очень живописно, особенно на картинахъ такого искуснаго художника, какъ г. Верещагинъ, познакомившій насъ въ прошломъ году съ сюжетами среднеазіяской жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Паровая мукомольная мельница комерческаго агента военнаго министерства, комерціи совѣтника Фейгина.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ военное министерство, заботясь объ улучшеніи способа снабженія продовольствіемъ войскъ, вошло въ сношенія по этому предмету съ нѣсколькими лицами торговаго сословія и избрало ихъ своими комерческими агентами, заключивъ съ ними, на определенное число лѣтъ, въ видѣ опыта, контракты по снабженію войскъ хлѣбомъ; вслѣдствіе этого, кромѣ участія и облегченія способа снабженія войскъ самымъ главнымъ предметомъ продовольствія, самый продуктъ этотъ, т. е. мука, доставляется войскамъ высшаго качества, потому что лица, взявшія на себя всю отвѣтственность за доброту качества поставляемаго хлѣба, необходимо должны были взять на себя и самое приготовленіе муки, такъ какъ только при постоянномъ употребленіи одного и того же и притомъ наиболѣе совершеннаго способа обработки зерна можно достигнуть постоянства и однородности качества муки. Такимъ образомъ поставщики муки, для болѣе рациональнаго веденія дѣла, приступили къ устройству мельницъ.

Въ числѣ агентовъ, избранныхъ военнымъ министерствомъ, находится г. комерціи совѣтникъ Фейгинъ, взявшій на себя поставку хлѣба на войска с. - петербургскаго и части финляндскаго военныхъ округовъ. Размѣры предпріятія, начатаго г. Фейгинымъ, потребовали обширныхъ приготовленій; онъ, желая достигнуть полученія муки самого высшаго качества, занялся основательнымъ изученіемъ существующихъ способовъ устройства паровыхъ мельницъ, для чего ознакомился съ лучшими сооружеиіями этого рода за границею, совѣтъвался съ лучшими авторитетами по этому дѣлу и затѣмъ приступилъ къ устройству въ С.-Петербургѣ паровой мельницы, которая въ нѣсколько соотвѣтствовала предначертанной цѣли. Въ началѣ минувшаго 1870 года мельница была окончена и пущена въ ходъ. Она находится на углу Измайловскаго проспекта и Обводнаго канала, напротивъ зданія путевого двора С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги.

Такъ какъ устройство паровыхъ мельницъ вообще еще дѣло совершенно новое у насъ, въ Россіи, и такъ какъ мельница г. Фейгина заключаетъ въ себѣ образцовое соединеніе всѣхъ усовершенствованій по мукомольному дѣлу, то, мы считаемъ, что краткое ознакомленіе съ ея устройствомъ не будетъ безынтересно для нашихъ читателей. Само собою разумѣется, что при этомъ мы будемъ стараться не входить въ слишкомъ подробное специальное описаніе отдѣльных частей мельницы.

Мельница помѣщается въ большомъ каменномъ четырехъ-этажномъ зданіи и приводится въ дѣйствіе двумя горизонтальными паровыми машинами (Rens et



№ 110.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 6.

6 Февраля 1871 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Ив. Г. Соловьева,
А. Ланга, М. М. Черенина и Б. Поста), безъ доставки 13 р. 50 к.

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ ВЫХОДИТЪ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО, ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШОГО ДВОЙНОГО ЛИСТА
ВЪ 16 СТРАНИЦЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
1. Пруссія и Германск. Почтовый союзъ . . . 16 р.
2. Австрія и Румынія . . . 16 »
3. Бельгія, Швейцарія, и Сербія . . . 17 »
4. Франція, Швеція и Данія . . . 19 »
5. Англія, Испанія, Португалія и Турція . . . 21 »
6. Италія . . . 19 »
7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты . . . 21 »

Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и вѣшняя политика. — Новѣйшія извѣстія. — Вѣсти о войнѣ между Германіей и Франціей. — Разныя извѣстія. — Парижскій ботаническій садъ и Булонскій лѣсъ во время осады Парижа. — Гавръ. — Самаркандъ (продолженіе). — Крестное шествіе на Іорданъ. — Дѣя акварели принца Рейсса. — Ирбитъ. — Музыкальное обозрѣніе. — Театральная хроника. — Паровая мукомольная мельница въ С.-Петербургѣ, комерція совѣтника Фейгина (окончаніе). — Голубиная почта. — Начало сценическихъ представленій въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ. — Новости наукъ и цивилизаціи. — Сибѣ. — Астрономическій календарь. — Некрологи. — Шахматы. — Гербъ Боярскихъ. — Объявленія.

РИСУНКИ: Война между Германіей и Франціей: 1) Булонскій лѣсъ послѣ осады Парижа; 2) Гавръ съ высоты птичьего полета; 3) Парижъ: Видъ бульваровъ послѣ капитуляціи. — Крестное шествіе на Іорданъ, 6 января, въ С.-Петербургѣ. — Акварели принца Рейсса, посла германскаго императора: 1) Возвращеніе съ медвѣжьей охоты; 2) Охота на Лося. — Наши заводы и мастерскія: Паровая мельница Фейгина, въ С.-Петербургѣ: 1) Зерноочистительные снаряды; 2) Вѣялки. — Виды г. Ирбита, въ Сибири. — Гербъ Боярскихъ. — Прологъ и 2-й рис. 1-й сцены изъ комедіи «Будный сынъ», писанный въ 1685 году. (2 рисунка).



Война:—Булонскій лѣсъ послѣ осады Парижа.
(Грав. А. Даугель).

когда нибудь предложить, что прекрасные экземпляры антилоп, редких оленей, браминских быков, жирафов, слонов, медведей и других, так дорого доставшихся ученым учреждениям и представлявших собою живую иллюстрацию к естественным наукам, будут съедены наравне с лошадьми, ослами, собаками и кошками? Но голод не свой брат, и наука принуждена была пожертвовать своими дорогими животными, чтобы утолить голод тех ученых людей, которые по этим животным изучали естественные науки или доставляли себе благородное удовольствие в наблюдении над наружным видом и нравами представителей различных фаун.

То, что не погибало в жаждущих голодных парижан, оставлено на произвол судьбы, за недостатком пищи, топлива и пристрастия, и все это, когда то прекрасная, загородки, равно и отдаленные галереи для разнородных животных Ботанического сада, опустели, и для этого образованного, научного заведения наступила минута, которой никак не предвидел строитель солнечных часов, помешавшихся на куполъ бельведера, написавший такой смелый девиз:

Noras non numero nisi serenas.

«Я обозначаю только ясные часы». И самое солнце измѣнило Парижу в эти четыре мѣсяца тяжелой осады и покрывало туманом его громадную перспективу улиц и площадей. Самый ботанический сад испытывал больше других потому, что находился под выстрѣлами южных германских батарей.

Не менѣе пострадали и Булонскій лѣсъ, не только не отъ выстрѣлов съ нѣмецких батарей, а отъ самих парижанъ, принужденных вырубить прекрасныя деревья во многих мѣстах и въ томъ числѣ вокруг знаменитых прудовъ, падающих каскадомъ одинъ въ другой. Извѣстное мѣсто прогулки: «le tout des lacs», близъ котораго прогуливались антилопы и олени акклиматизаціоннаго сада, совершенно обнажено отъ деревьев и представлять одни спящія пни. Срубленные деревья Булонскаго лѣса пошли на крѣпостныя работы; обширныя поляны, живописно прерывавшіяся рощами каштановъ, дубовъ, кленовъ и проч., вытоптаны стадами быковъ и барановъ, кормивших парижское населеніе, и передвиженныя войскою, дѣлавшихъ съ этой стороны вылазы.

Булонскій лѣсъ представлялъ средоточіе всевозможныхъ удовольствій, достаточныхъ для того, чтобы наполнить самыми разнообразными воспоминаніями дневникъ путешественника. Здѣсь соединено было все, на что только способна изобрѣтательность французской изищности. Кофейни, рестораны, публичныя бани, скаковой бѣгъ на луку Лоншанъ съ его историческою мельницею, остатками древняго монастыря, построеннаго Пабеллою, сестрою Людовика Святого и, въ заключеніе, цвѣтничъ садъ—Pré Catelanъ съ его воздушнымъ театромъ и прогулками верховъ и въ блестящихъ экипажахъ, при звукахъ музыки оркестра Сакса, памятны каждому посѣтителю Парижа. Особенно привлекателенъ былъ для всѣхъ, парижанъ и иностранцевъ, «Pré Catelanъ»; и чего тутъ въ самомъ дѣлѣ не было: швейцарскіе шале съ молокомъ и разными лакомствами; фотографическія павильоны, гадалки и гадалки въ фантастическихъ гротахъ, всевозможныя игры, театръ съ постоянно бьющимъ каскадомъ, падающимъ со скалы, увѣчанной деревьями и все это среди цвѣтущихъ растений и кустарниковъ, которые не успѣвали вынуть подъ присмотромъ неутомимаго антрепренера этого предстнаго загороднаго гулянья.

Прибавимъ къ этому, что самая дорога въ Булонскій лѣсъ идетъ черезъ живописныя «Балейскія поля», вдоль которыхъ тянутся великолѣпныя дома, затѣмъ, проходить подъ триумфальною аркою Звѣзды, превращенной въ настоящую минуточку въ увѣчанное мѣсто; а далеко, на западѣ, за предѣлами городской стѣны и крѣпостныхъ валовъ, окружающихъ Булонскій лѣсъ, возвышается грозный редутъ Мон-Валеріенъ, долженствовавшій играть такую важную роль при защитѣ Парижа и сдавшійся въ настоящее время, вмѣстѣ съ другими фортами, войскамъ германской арміи.

Гавръ.

Гавръ существуетъ немного болѣе 300 лѣтъ. Въ 1509 году на мѣстѣ этого города находилась небольшая рыбацкая деревня, вѣдши которой новышались дѣла укрѣпленной башни, вѣдши англичанами въ царствованіе Карла VII. Людовикъ XII угадалъ важное значеніе этого мѣста, какъ гавани и какъ укрѣпленія при устьѣ Сены, по вѣдамъ которой англичане не разъ уже вторгались въ предѣлы Франціи, а потому началъ постройку города. Позднѣе, въ царствованіе

Франциска I, предприняты были обширныя работы для того, чтобы оградить городъ отъ наводненій. Къ этому же времени относится и первая укрѣпленія Гавра. Генрихъ II и Людовикъ III усилили укрѣпленія бастіонами, а при Людовикѣ XIV воздвиглась въ Гаврѣ сильная цитадель, подвергавшаяся тиетной осадѣ со стороны англичанъ въ 1694 году и въ 1798. Съ теченіемъ времени городъ все усиливался, а гавань получала болѣе и болѣе значеніе. Наполеонъ I, сознавая важное значеніе Гавра, приказалъ снабдить его еще сильнѣйшими укрѣпленіями и тройнымъ поясомъ валовъ и рововъ. Въ 1839 году, на увеличеніе гаврскаго бассейна ассигновано было 6 миліоновъ франковъ.

Гавръ, въ настоящее время, какъ торговый портъ, имѣетъ значеніе наравнѣ съ Марселемъ и имѣетъ 70,000 жителей. Одна часть его древней постройки отличается кривыми узкими улицами, другая же замѣчательна правильностью постройки, широкими прямыми улицами. Въ Гаврѣ родились поэты Бернарден-де-Сен-Пьеръ и Казимиръ Делавинъ, статуи которыхъ служатъ украшеніемъ площади Комеди. Въ числѣ зданій замѣчательна древняя башня Франциска I, торжественная арсеналъ, ратуша, зданіе таможенъ и купальня Фраскати. Въ Гаврѣ существуетъ гидрографическая школа, общество рыбной ловли, посылающее ежегодно нѣсколько сотъ судовъ для ловли китовъ и трески, — нѣсколько пароходныхъ компаній. Гаврская морская купальня пользуется извѣстностью во Франціи. Корабельныя верфи, якорныя фабрики и механическія мастерскія занимаютъ нѣсколько тысячъ рабочихъ рукъ; кромѣ того, въ городѣ находится нѣсколько сахарныхъ заводовъ, парусныхъ фабрикъ, канатныхъ, табачныхъ фабрикъ, нѣсколько механическихъ и другихъ заводовъ. Гавръ, по положенію своему при устьѣ Сены, можетъ называться гаванью Парижа. Самая гавань, представляющая собою совершенство подобныхъ сооруженій, защищается нѣсколькими фортами и соединяется съ бассейномъ, доходящимъ до центра города и вмѣщающимъ въ себя корабли въ 600 и 700 тоннъ. Ежегодно въ Гавръ прибываютъ до 13 или 14,000 кораблей. Таможенный сборъ ежегодно составляетъ сумму до 40 миліоновъ франковъ. Ежегодно вывозится товару на 50—60 миліоновъ франковъ.

Самаркандъ.

(Продолженіе).

Въ этой части Средней Азіи весьма нерѣдки землетрясенія, которыя случаются обыкновенно весною и сопровождаются сильными грозами. По народному преданію, возвышенности Чунанъ-Ата, господствующія надъ Самаркандомъ, выросли въ одну ночь по волю Аллаха, разгнѣвавшагося на жителей и выдвинушаго передъ ними громадную массу, которая скрыла отъ ихъ испуганныхъ взоровъ разстилающуюся далеко равнину. Въ 1823 году землетрясеніе разрушило манары медресе Жаугъ Бега. Не даѣе, какъ два года тому назадъ, въ мартѣ 1868 г., въ Ташкентѣ и Самаркандѣ было землетрясеніе. Въ Бухарѣ между народомъ утвердилось повѣрье, что начало всякаго года, считающагося со дня весенняго равноденствія, должно непремѣнно сопровождаться землетрясеніемъ, и бухарцы, чтобы убѣдиться въ этомъ, втыкаютъ въ землю наканунѣ этого дня ножикъ и считаютъ начало новаго года съ того момента, когда ножикъ упадетъ отъ собственной тяжести или отъ колебанія земли. Во всякомъ случаѣ, какъ преданіе о гнѣвѣ Аллаха, который, въ наказаніе своему народу, повелѣлъ подземнымъ силамъ

Громы горы нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ затрудить
Звѣздами, колючими съ потолка,

такъ и описанный нами обычай указываетъ, что среднеазіяскій горный узелъ, отроги Тянь-шаня и Гиндукуша, подвержены частымъ колебаніямъ, разрушительное дѣйствіе которыхъ отразилось на высокихъ зданіяхъ Самарканда, лежащаго вблизи этихъ горныхъ отроговъ.

Изъ замѣчательныхъ мечетей и медресе, мы можемъ указать на Хаджи-Охраръ, Тиллякари, Биби-Ханымъ, Ширдаръ, Гуреміръ и Шахи-Зинда. Первое мѣсто между ними занимаетъ мечеть Биби-Ханымъ, построенная одною изъ жонъ Тимуръ-Ланга—китайскою принцессою Ханымъ. Для постройки ея были вызваны изъ Китая искусные художники и архитекторы. Храмъ этотъ занимаетъ обширное пространство и состоитъ изъ трехъ мечетей, соединенныхъ между собою четырехугольною постройкою, въ которой помѣщаются келін и аудиторіи одного изъ самыхъ большихъ медресе. Главныя входныя ворота были когда то вылиты изъ бронзы и покрыты надписями и арабесками. Въсплѣдствіи какой то изъ бездѣльныхъ владѣльцевъ Бухары переиначили эти ворота въ монету, и самыя стѣны Би-Ханымъ, во многихъ мѣстахъ, развалились. Лучше всѣхъ сохранился западный куполъ; стѣны покрыты изразцовой мозаикой, поражающей своею пестротой, при чемъ рисунокъ сдѣланъ весьма искусно и отличается своеобразнымъ

вкусомъ. Лазурь и золото мѣстами еще такъ свѣжи, какъ будто наведены на стѣны сегодня и это тѣмъ замѣчательнѣе, что большая часть украшеній состоитъ изъ позолоченной и наклеенной бумаги, не поблекшей, благодаря сухому климату, въ теченіе шести столѣтій. Посредствъ купола помѣщается огромный столъ изъ бѣлаго мрамора, на девяти невысокихъ ножкахъ. Столъ этотъ обращенъ къ окну, за которымъ находилось закрытое помѣщеніе жены Тимуръ—Ханымъ; на немъ лежалъ огромный коранъ, на пергаментныхъ листахъ котораго были написаны законъ Мохамеда, для того, чтобы супруга повелителя правотѣрныхъ могла читать изъ своего окна. Въ настоящее время бухарцы полагаютъ, что столъ этотъ обладаетъ цѣлебною силою и вѣрятъ въ то, что кто пролѣзетъ подъ нимъ, тотъ на всю жизнь избавится отъ боли спины, въ особенности если эта спина была расписана арабесками знаменитой *дары* — колоссальной плети, имѣющей форму плоской доски, изъ эластической кожи и приготовленной по всѣмъ правиламъ шаріата.

Недалеко отъ Биби-Ханымъ, указываютъ на гробницу любимой жены Тимуръ; но гробница эта едва замѣтна, потому что представляетъ безобразную кучу развалинъ. Тутъ же, за предѣлами городскихъ стѣнъ, раскинулись обширныя развалины дворца Тимуръ—Хозрати-Шахи-Зинда, куда прежніе владѣтели Самарканда отправлялись на поклоненіе и затѣмъ уже совершали свой торжественный въѣздъ въ городъ. Уцѣлѣвшія мѣстами мозаичныя и изразцовыя украшенія едва напоминаютъ прежнюю роскошь; разныя части дворца, въ особенности западный фасадъ его, расположены очень красиво; все это было окружено садами, украшенными фонтанами и ручьями, а теперь открыто разрушенными обломками, заросшими травой и кустами.

На восточной части Самарканда находится священная гробница Тимуръ—Турбетъ-Тимуръ. Этотъ небольшой мавзолей увѣчанъ красивымъ куполомъ и окруженъ стѣною съ высокими воротами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ возвышаются также купола. Внутренность зданія имѣетъ осьмиступенчатую форму и состоитъ изъ двухъ комнатъ; полы устланы бѣлымъ мраморомъ; стѣны покрыты изищными голубыми арабесками и золотыми изрѣченіями изъ корана, составляющими вмѣстѣ фантастическій рисунокъ, отъ котораго нельзя оторвать глазъ. Гробъ Тимуръ находится во второй комнатѣ; онъ окруженъ прорѣзью мраморной рѣшеткой, состоитъ изъ темно-зеленаго камня—яшмы и имѣетъ форму утѣченной пирамиды, въ три фута вышины и до шести футовъ длины, обращенной основаніемъ вверхъ. Камень этотъ раскололся на двое во время перевозки его, послѣ взятія Самарканда Шахъ-Надиромъ. Надъ гробницею Тимуръ стоитъ шесть со знаменемъ. Такія знамена ставятся надъ памятниками всѣхъ восточныхъ святыхъ; правотѣрные, приходя на поклоненіе ко гробу чтимаго ими человѣка, увѣчиваютъ шесть разными приношеніями, состоящими изъ разныхъ кусочковъ матеріи. Вокругъ гробницы Тимуръ, расположены надгробныя памятники изъ бѣлаго мрамора членовъ его семейства, а также гробница любимого учителя его Мира-Санде-Берке. У гробницъ лежатъ коранъ и другія священные книги, по которымъ днемъ и ночью читаютъ мусульманы. Узкая лѣстница ведетъ въ склепъ, также покрытый арабесками, гдѣ стоятъ гробницы Тимуръ и другихъ. Тутъ же находится драгоценный коранъ, начертаніе котораго приписываютъ второму Калифу Осману, бывшему секретаремъ пророка. Этотъ коранъ пользовался огромною извѣстностью между бухарцами, но скрывался тщательно отъ взоровъ даже самыхъ правотѣрныхъ, изъ опасенія, чтобы его не похитили.

Жалкое состояніе, въ которомъ находятся въ настоящее время лучшія и самыя большія мечети, слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ приписать тому, что доходитъ съ духовныхъ имуществъ (вакуфовъ) идетъ почти весь на содержаніе санишмоу многочисленнаго и тунеяднаго духовенства. А доходы вторыхъ мечетей даже и теперь весьма значительны, такъ напримеръ, вакуфъ Хаджи-Охраръ доставляетъ ежегоднаго дохода до пятидесяти тысячъ кокановъ, или десяти тысячъ рублей. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ мечетяхъ находится до сорока келій для мусульманъ и шпановъ—людей святой жизни, занимающихся исключительно созерцаніемъ Аллаха и, разумеется, не производящихъ ничего, кромѣ фанатическихъ безобразій.

Въ Самаркандѣ находилась прежде знаменитая библіотека, помѣщавшаяся въ особомъ зданіи; въ ней, какъ полагаютъ ученые армяне, находилось большое собраніе древнихъ армянскихъ книгъ. Но какъ эта

библиотека, так и здание ее исчезли безследно, также, как славившиеся в свое время высшее училище — Калиндер-Ханы и обсерватория — Мирза-Уаудия, на которой, впрочем, дѣлались не астрономическія, но астрологическія наблюденія и предсказанія, въ которыя на Востокъ вѣрять отчасти до сихъ поръ.

Самаркандъ ведетъ довольно обширную торговлю хлопкомъ, шолкомъ, хлѣбомъ, пшеницею и рисомъ, — кожами, фруктами, лошадьми, баранами, ослами и мулами. Рисъ и шолкъ идутъ преимущественно въ Бухару; хлопокъ направляется черезъ Ташкентъ въ Россію. Изъ горныхъ округовъ, лежащихъ на югъ отъ Самарканда, Шагри-Сабза, на самаркандскіе базары привозятъ превосходные фрукты, гранаты и гранатовую корку, идущую на краску; пшеничная мука, коконы и матеріи, шитыя шолкомъ, получающіяся изъ города Битапа; соль привозится изъ Гиссара. Русскіе товары находятся пока еще въ незначительномъ количествѣ, такъ какъ мы еще недавно установились въ этой мѣстности; но въ послѣдствіи, черезъ Самаркандъ пойдутъ значительные караваны, съ произведеніями русскихъ фабрикъ и заводовъ, на Коканъ, Кашгаръ и Яркендъ. Желательно было бы только, чтобы русскіе, живущіе въ Самаркандѣ, были предприимчивѣе и не теряли бы времени обратить вниманіе на наши торговныя сношенія съ Средней Азіей, которыя, впрочемъ, и теперь изъ года въ годъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Двѣ акварели принца Рейсса.

Посолъ императора германскаго при русскомъ императорскомъ дворѣ, принцъ Рейссъ, позволялъ намъ сдѣлать два рисунка съ его акварелей. Принцъ Рейссъ — художникъ, посвящающій свои досуги изображенію различныхъ сценъ охоты и възвѣсписъ, на сколько она касается охоты. Принцъ пишетъ весьма быстро, съ замѣчательною легкостью, что особенно кстати при изображеніи тѣхъ быстрыхъ, едва уловимыхъ, моментовъ, которыми полна всякая удающаяся охота. Надобно сознаться, что всякому охотнику въ Россіи раздолье. При умѣнии подобрать хорошихъ стрѣлковъ, любящихъ и знающихъ свое дѣло, при возможности не стѣсняться въ средствахъ, — успѣхъ охоты почти несомнѣненъ; само собою разумѣется, не надобно искать невозможнаго и соотнобачаться съ мѣстностью и временемъ года.

Принцъ Рейссъ охотникъ знающій свое дѣло и страстно любящій его. Акварели его, съ этой точки зрѣнія, должны имѣть особенную цѣну и мы много благодарны принцу за дозволеніе подѣлиться съ читателями нашими тѣми двумя образцами, которые представляемъ сегодня. Талантъ принца, какъ акварелиста, давно знакомъ тѣмъ кружкамъ петербургскаго высшаго общества, въ которыхъ князь, по званію своему и положенію въ свѣтѣ, постоянно обращается, — но для большинства онъ оставался болѣе или менѣе неизвѣстенъ. Мы надѣемся, со временемъ, напечатать и еще что нибудь изъ его работъ, весьма чистыхъ и болѣею частью удачныхъ.

Крестное шествіе на Юрданъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ дворцовъ, Русскій — безспорно, наиболѣе блестящій, поражающій иностранца своими размѣрами и великолѣпіемъ; блескомъ и разнообразіемъ своихъ музеевъ, дворъ нашъ придаетъ ту особую торжественность и величіе, которыми отличаются наши парадныя процессіи и празднества, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ участвуетъ духовенство, какъ празднество 6 января, картина становится истинно поразительною. Въ день Богоявленія, 6 января, повторилось и въ нынѣшнемъ году торжество прошлаго года и съ такимъ же блескомъ, послѣ литургіи, совершаемой въ Большой Церкви Зимняго дворца, посѣдовалъ торжественный крестный ходъ на Юрданъ. Къ десяти съ половиною часамъ утра, войска, назначенныя для парада, заняли свои мѣста въ залахъ Зимняго дворца: взводы полковъ гвардейской кавалеріи и собственнаго Его Величества коновъ — въ тербовой залѣ, взводы военно-учебныхъ заведеній и полковъ 1-го. преображенскаго и 1-го. семеновскаго — въ фельдмаршальской залѣ, взводы 1-го. пзмайловскаго и 1-го. гатчинскаго полковъ — въ малой аванзалѣ. Взводы всѣхъ остальныхъ частей гвардіи и войскъ с.-петербургскаго военного округа въ нижнемъ коридорѣ, вѣдущемъ въ министерскому подъѣзду. Къ 11-ти часамъ утра собралась всѣ знатныя особы, а также не участвующіе въ строю гене-

ралы, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи, арміи и флота и заняли свои мѣста въ Помпеевской галлерей и Николаевскомъ залѣ. Государь Императоръ, поздоровавшись съ войсками, изволилъ войти въ церковь, гдѣ совершена была литургія, по окончаніи которой двинулся крестный ходъ по вышеупомянутымъ заламъ Зимняго дворца, по пути расположенія войскъ, чрезъ нижній коридоръ, на набережную Невы.

Впереди шли камеръ-фурьеры, за ними, въ бѣлыхъ ризахъ, многочисленный клиръ, по чинамъ духовной іерархіи, съ чудотворными иконами и хоругвями; за духовенствомъ изволилъ шествовать Государь Императоръ, сопровождаемый многочисленною свитою. Въ нижнемъ коридорѣ присоединились штандарты и знамена всѣхъ полковъ и посѣдовали за духовнымъ шествіемъ, для ихъ окропленія.

Величественное зрѣлище, во'всей полнотѣ своей святыни, представило безчисленнымъ толпамъ, которая, не смотря на сильный морозъ, давно уже собралась помолиться, когда началось молебствіе.

Освятивъ воду, митрополитъ окропилъ воинскія знамена и крестный ходъ сталъ обратно направляться къ Зимнему дворцу и посѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ.

Д.

Музыкальное обозрѣніе.

Смѣшно и досадно видѣть, съ какими тупымъ пренебреженіемъ и предвзятымъ непониманіемъ русская музыкальная критика, а вслѣдъ за ней русская публика — отнесется къ одному изъ лучшихъ произведеній чешской музыки. Въ концѣ прошлаго декабра появилась въ «Голосѣ» краткая замѣтка, присланная изъ Праги, о новой оперѣ «Проданная Невѣста», сочиненіи чешскаго композитора Сметаны, первого капельмейстера чешской оперы въ Прагѣ. Оперу эту, сказано было въ замѣткѣ, г. Палечекъ выбралъ для своего бенефиса: пожелаемъ отъ души, чтобы выборъ его оказался счастливымъ. Опера г. Сметаны считается лучшимъ произведеніемъ чешскаго искусства. Русская публика получила возможность познакомиться и съ чешскою музыкою и съ нѣкоторыми чертами чешской народной жизни; она увидѣла, напримеръ, довольно оригинальные народные танцы этого славянскаго племени». Затѣмъ слѣдовала краткая біографія г. Сметаны и въ концѣ замѣтки сказано: «Проданная Невѣста» очень понравилась чешской публикѣ и Палечекъ, своимъ голосомъ и игрою много содѣйствовалъ тому, что эта опера вскорѣ сдѣлалась самою популярною. Дирекція русской оперы, какъ мы слышали, отлично обставила это, чисто чешское, музыкальное произведеніе. Остается пожелать, чтобы первая чешская опера, даваемая на маринской сценѣ, не осталась послѣднею; мы искренно порадуемся, если другія чешскія оперы сдѣлаются одними изъ любимѣйшихъ у русской публики.» Русская публика все это приняла къ свѣдѣнію, пошла толки и перетолки, билеты на первое представленіе брались на расхватъ; удивляться тутъ, впрочемъ, не чему: бенефисъ и первое представленіе новой оперы всегда привлекаютъ особенно многочисленную публику; такъ и случилось 30 декабря. Но за тѣмъ случилось уже нѣчто не совсѣмъ обыкновенное, особенно на маринской сценѣ: опера г. Сметаны удостоилась, по видимому, полного, несомнѣннаго успѣха. Начиная съ увертюры, почти всѣ номера встрѣчались самыми дружными рукоплесканіями, многіе повторялись, вызовали не предвидѣлось съюта и конца, бенефицианту поднесены были два вѣнка, опера пронеслась среди самаго радостнаго, веселаго, праздничнаго настроенія.

Увы!... все это было сонъ, обманчивый, горькій сонъ. Г. Ростиславъ, рецензентъ «Голоса» (№ 9) и г. *** рецензентъ «С.-П. Вѣд.» (№ 6) разверзали всѣмъ очи и спасли русскую публику отъ ложнаго увлеченія. Успѣхъ оперы г. Ростиславъ, напримеръ, называетъ лишь желаніемъ публики оказать полное вниманіе въ произведенію пражскаго капельмейстера, за радужный пріемъ, сдѣланный въ Прагѣ Глинки. Г-ну Ростиславу не вѣрится, чтобы Прага могла выдавать за лучшее выраженіе искусства легкомую, комическую оперу, гладко написанную, но неотличающуюся (по мнѣнію г. Ростислава) ни особеннымъ мелодическимъ вдохновеніемъ, ни богатствомъ вымысла, ни разработкою музыкальных мыслей, ни замѣчательною оркестровкой. Все это голословно — безъ малѣйшихъ доказательствъ; да и доказатъ было бы трудно. Г-ну Ростиславу кажется, затѣмъ, что музыка Сметаны *кипитъ* (замѣтите) веселѣе, но веселѣе *напускнымъ*; почему это г-ну Ростиславу кажется — неизвѣстно. Подобнаго же рода «капризные» сужденія, съ примѣсною и смысломъ на нѣкоторые мелочныя недостатки сметановской музыки, находимъ мы

и въ рецензіи г.***. Выписывать не станемъ — скучно; скажемъ только, что оба критика особенно усердно нападаютъ на либретто оперы, или, вѣрнѣе, на русскій переводъ онаго, въ чомъ, конечно, и самъ Сметана не станеть ихъ оспаривать: если судить объ операхъ по ихъ либретто, то ни въ одной оперѣ не останется живого мѣста.

Все это озадаило русскую публику чрезвычайно: какъ не вѣрить тому, кто громче другихъ кричитъ, а главное — порицаетъ? До самостоятельности собственнаго сужденія вѣдь мы еще не доросли, и отстаивать его не смѣемъ. Театръ опустѣлъ; на слѣдующіяхъ представленіяхъ царствовала мертвая тишина. Неужели публика дѣйствительно убоилась и устыдилась своего перваго порыва? Неужели она не поняла, что мелочными придрирками легко обобщать самое художественное произведеніе, но, что разъ такое художественное произведеніе, въ продолженіи цѣлаго вечера, увлекало и радовало нѣсколько сотенъ слушателей, то уже потому самому оно не есть «напускная и вздорная опера», какъ обозвалъ г.*** «Проданную Невѣсту»? Неужели г. Ростиславъ, этотъ старый и опытный критикъ, не замѣтилъ, что среди всѣхъ фальши, натушности и безнатурности, нервной жонки новѣйшей западной музыки, опера Сметаны является громкимъ свидѣтельствомъ о будущности и мощи славянской музыки? Неужели не замѣтилъ онъ въ раскатахъ увертюры, въ ритмическихъ движеніяхъ танцевъ и ихъ оркестровкѣ, въ складѣ мелодій, въ употребленіи деревянныхъ духовыхъ инструментовъ (особенно фагота) и т. д. безсмертнаго почерка Глинки? Развѣ не повѣяла на него свѣжая, славянская струя и не освѣтила его слуха отъ той музыки, которую покойный Стрѣвъ передъ смертю успѣлъ такъ удачно обозвать *гимназой*? Нѣтъ, справедливость требуетъ отдать г. Сметанѣ должную честь за то, что онъ, первый изъ всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ композиторовъ, рѣшился смѣло и откровенно вступить на тотъ широкій путь, который открытъ славянскому искусству твореніями Глинки. Его мелодіи взяты прямо изъ народнаго чешскаго творчества, или же созданы въ томъ же складѣ и ладѣ; онъ нигдѣ не отрывается отъ родной почвы, отъ народнаго кругозора; вся опера пронизана цѣльнымъ, могучимъ духомъ чешской народности; онъ не боится своей мелодіи, не тушуется, не мнетъ, не давитъ ее, а относится къ ней свято, какъ къ народному достоянію, и старается вылить ее въ возможно свѣтлую и изысканную форму; для этой цѣли онъ пользуется всеми научными средствами искусства, на сколько можетъ и умѣетъ, на сколько хватаетъ у него вдохновенія, воображенія и таланта — и пользуется, не къ стыду будь сказано, удачнѣе и умнѣе, нежели наши русскіе фабриканты разныя ратификаты и тому подобной «драматической» безтолочи. Сметана, конечно, не гений; онъ просто — «музыкантъ»; но въ наше время это почти стоитъ гениальности, когда подумаешь, что «музыка» задыхается въ чаду и дымѣ разныхъ утопій и теорій, навязанныхъ ей борзописцами, у которыхъ ни въ головѣ, ни въ сердцѣ нѣтъ и тѣни музыкальнаго здраваго смысла.

Постановка и исполненіе оперы заслуживаютъ особеннаго вниманія. Г. Палечекъ, этотъ совсѣмъ молодой, даровитый пѣвецъ, сумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ самое короткое время любовь и симпатію нашей публики; нѣтъ, за постановку «Проданной Невѣсты», онъ смѣло можетъ рассчитывать на *любое* уваженіе всѣхъ русскихъ людей, любящихъ и цѣнящихъ славянское искусство. Въ роли свата онъ былъ безподобенъ: безподобенъ какъ сватъ, какъ пѣвецъ и какъ человекъ, сослужившій великую службу славянской музыкѣ. Г-жа Платонова, доказала въ этотъ разъ, что она можетъ, когда хочетъ, пѣть не «кокетливо» (выраженіе Глинки) и доставила намъ этимъ истинное удовольствіе; въ роли Маши она была такъ хороша, какъ ни въ одной другой — на нашей памяти. Г-жа Леонова также умно отгѣлила ничтожную роль Агаты, какъ отгѣлила она всѣ второстепенныя роли, въ которыхъ приходится ей съ нѣкоторыхъ поръ играть (Марта, Нанна). Г. Коммисаржевскій прекрасно передалъ Ивана, безъ утрированной развязности, съ отгѣнкомъ задумчивости и задумчивости. Г. Булаховъ и остальные исполнители старались сколько могли. Великое спасибо также г. Богданову — за танцы. Говорятъ, что г. Богдановъ нарочно ѣздилъ въ Прагу, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ народными чешскими танцами. Какъ бы то ни было, но «сбѣда» (полька 1-го дѣйствія) поставлена имъ удивительно вѣрно и типично; танецъ этотъ вытѣсненъ въ славянскомъ обществѣ французскую кадрили и танцуютъ даже въ нѣкоторыхъ русскихъ семействахъ. Оркестръ, какъ всегда, былъ превосходенъ, но, кажется намъ, нѣ-



№ 111.

III ГОДЪ, ТОМЪ V. № 7.

13 Февраля 1871 года.



Версаль: Принятие королемъ Вильгельмомъ титула Императора Германіи.

(Грав. Л. А. Скраковъ).

Самаркандъ. (Окончаніе).

Надобно видѣть Самаркандъ въ базарные дни, по торжищамъ и воскресеньямъ, когда, напримѣръ, все пространство отъ мечети Биби-Ханымъ до медресе Ширъ-Даръ заурядомъ народомъ до того, что пѣшие и конные съ трудомъ могутъ подвигаться въ сплошной массѣ. Это самое широкое мѣсто въ Самаркандѣ, улицы котораго, какъ во всякомъ восточномъ городѣ, «распаляются во все стороны, какъ раки». Отъ Биби-Ханымъ до Ширъ-Дара раскинулась главная торговля города; это нѣчто соответствуетъ «Садовой» Петербурга, «Ильинкѣ» Москвы, «Странда» Лондона, внутреннимъ бульварамъ Парижа, «Нейервааль» Гамбурга и «Бауэррей» Нью-Йорка, только съ совершенно иной обстановкою. Тамъ все такъ чинно и изящно выставлено за безмясицы и зеркальными стеклами, здѣсь, напротивъ, все снаружи и притомъ безъ всякаго соблазнительнаго этикетажа. Масса пестрыхъ халатовъ, яркихъ тулбеекъ (головныхъ шапочекъ для брѣвѣхъ годовъ мусульманъ) блестящею золотомъ, серебромъ, костью и малиновой фальгой красивые арчаки (деревянные сѣда), войлоки, шолковые и бумажные товары, изюмъ, смоква, персики, абрикосы и урюкъ (сушеные абрикосы), гранаты, душистая и пряная вяленая дыня и множество всякихъ фруктовъ и лакомствъ, на которыхъ искупа поглядываетъ проходивъ у «Милотинныхъ» лавокъ, все это набросано какъ поало въ лавкахъ главной улицы, обсаженной тѣнистыми деревьями. Мѣстами, среди лавокъ, разбросаны рестораны, — ашъ-хана, гдѣ почтенные чамоносцы загибаются одуряющею *нашою* — гашишомъ, отъ котораго разстроенное воображеніе уноситъ на девятые небо, полное всѣхъ земныхъ соблазновъ, щедро общаемыхъ кораномъ; тутъ пьютъ чай и прохлаждаются водою съ *ширни* — родъ потока изъ стужающаго винограднаго сока. У лавокъ апатично прогуливается съ палкою туземный полицейскій — *реисъ*, родъ мусульманскаго цензора, обязанность котораго наблюдать за общественною нравственностью. Реисы — народъ могущественный. Такъ какъ всякая власть на Востокъ установлена самимъ Аллахомъ и представителями его на землѣ, то реисы имѣютъ отчасти духовное значеніе, — они могутъ останавливать на улицѣ любого правобѣрнаго и заставлять прочитывать молитву, имѣя при этомъ право наказывать не въѣждъ тридцать девять ударами палки. Но, въ особенности, реисы должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы мусульмане не предавались суевѣрнымъ обрядамъ; многие изъ этихъ обрядовъ напоминаютъ прежнюю религію Зороастра — огнепоклоненіе. Въ Средней Азій, вѣсно, бываетъ изысканный праздникъ Чаршембен-Сунни — въ главныхъ чертахъ напоминающій нашъ изысканный праздникъ «Ивана Купала» — тоже несомнѣнный остатокъ огнепоклонничества. Въ день Чаршембен-Сунни зажигаютъ костеръ, черезъ который прыгаютъ мужчины и женщины, причѣмъ разбиваютъ надъ огнемъ какую нибудь глиняную посуду, чтобы очиститься отъ грѣховъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Огонь играетъ также немаловажную роль — какъ очищающее начало въ разныхъ болѣзняхъ.

Но возвратимся на главную улицу, гдѣ, во всемъ разгарѣ, кипитъ дѣятельность. Пестрая толпа въ самыхъ разнообразныхъ халатахъ и чалмахъ всякихъ величинъ, смотря по достоинству чамоносца, въ мѣховыхъ и суконныхъ шапкахъ, прерывается, мѣстами, медленно двигающимся караваномъ верблюдовъ, пришедшимъ изъ Карши, Бухары, Гиссара, Кокана или Яркенда. За ними короткою, но вѣрною поступью идетъ веренища ослонъ, или шаковъ, (муловъ), навьюченныхъ фруктами, овощами, холстомъ и разными другими деревенскими продуктами ближайшихъ кишлаковъ. Вотъ жалостно и заунывно, точно восточная мелодія, скрипятъ и плещетъ неманзанная арба, запряженная сильными конскими кономъ въ пару съ могущественнымъ буйволомъ. Среди этой толпы, выдѣлается стройная худая фигура персидскаго арба, запряженная сильными конскими кономъ въ пару съ могущественнымъ буйволомъ. Среди этой толпы, выдѣлается стройная худая фигура персидскаго арба, запряженная сильными конскими кономъ въ пару съ могущественнымъ буйволомъ. Среди этой толпы, выдѣлается стройная худая фигура персидскаго арба, запряженная сильными конскими кономъ въ пару съ могущественнымъ буйволомъ.

племени. Изъ узбекскаго племени Тукъ происходятъ бухарскіе эмиры.

Въ уличной толпѣ Самарканда видны только одни мужчины. Если и попадется изрѣдка женщина, то это — навѣрное старуха, вышедшая изъ дому по порученію молодыхъ женщинъ за какими нибудь покупками, или же по дѣламъ галантерейнаго свойства. Кромѣ узбековъ и персидовъ, на улицахъ Самарканда можно встрѣтить кочующихъ вѣззи кипчаковъ, каракалпачковъ, арабовъ, цыганъ и евреевъ. Мѣняли индусовъ и жителей Афгана, Кабула и Герата, привозившихъ сюда парчу, кисею, канитель, аптекарскіе товары, индійскій сахарный песокъ, кашемирскія шали, любимую на всемъ востокѣ бирюзу и необдѣланные драгоцѣнные камни.

Арабы, встрѣчающіеся въ Самаркандѣ, кочуютъ въ окрестностяхъ его. Это потомки послѣдователей пророка, вторгнувшихся въ вѣстную страну Средней Азій послѣ первой хеджры. Здѣсь, подобно тому, какъ въ Аравіи, они не покинули своего кочеваго образа жизни, но только палатки первоначальной родины замѣнили киргизскою кибиткою, болѣе сообразною съ условіями дѣйствительнаго климата. Нѣкоторые живутъ осѣло и занимаются торговлею — подобно своему пророку.

Самаркандскіе евреи занимаютъ особый кварталъ, заключенный въ себѣ до трехсотъ домовъ. Это высокодаренное племя, вездѣ гонимое, обязано, подобно римскимъ «Гетто», при бухарскихъ эмирахъ, жить только въ предѣлахъ отведеннаго ему пространства. Евреямъ запрещалось носить головной уборъ послѣдователей пророка — чалму; вмѣсто нея они надѣвываютъ небольшие шапочки изъ темнаго сукна, съ оторочкою изъ барянаго мѣха. Имъ не позволялось также надѣвать другихъ халатовъ, — красота и число которыхъ служили на Востокѣ признакомъ личнаго достоинства — кромѣ халатовъ изъ алачи — грубой набивной бумажной матеріи; подоясываться же должны были простою веревкою. Изъ запрещалось также ѣздить верхомъ, что равносильно домашнему аресту въ грязную погоду. Ненависть и презрѣніе къ евреямъ доходило до того, что бить и даже убить еврея не считалось преступленіемъ. Такой презрѣнный гнетъ имѣлъ влияние на умственное и матеріальное благосостояніе этого промышленнаго народа. Здѣсь они бѣдны, занимаются ничтожною мелочною торговлею, размоткою и окраскою шолка; грамотныхъ между ними очень мало и большинство забыло свой родной языкъ.

Въ прежнее время цыгане — благодаря своей хитрости и искусству ворожить — играли важную роль въ Самаркандѣ. Теперь они кочуютъ въ своихъ бѣлыхъ биверныхъ палаткахъ по берегамъ Зарьяшана и въ окрестностяхъ Каракула. Здѣсь считается три цыганскихъ племенъ: Джуги, Мизангъ и Люли, но все они болѣе извѣстны подъ этимъ послѣднимъ именемъ. Цыгане, номинально, считаются мусульманами, но, въ сущности, какъ и вездѣ, гдѣ живетъ это загадочное племя, не имѣютъ никакой религіи. Цыгане занимаются барышничествомъ и торговлею пѣвками, цыганки — гадааньемъ и вороженіемъ.

Проходя по улицамъ Самарканда, вдали отъ торговой улицы или каравансарая, вы часто слышите шаговъ за пятьдесятъ какой-то нестройный гулъ дѣтскихъ голосовъ, прерываемыхъ гулымъ звукомъ и слѣдующимъ затѣмъ рѣзкимъ крикомъ. Это навѣрное мохамеданская школа, въ которой, какъ и въ еврейскихъ школахъ, дѣти учатся вслухъ, просящая за книжкою не менѣе десяти часовъ, при чѣмъ лѣнивыхъ и отсталыхъ учителей поощряютъ палками. Послѣ семилѣтняго зубренія грамоты, соединенной съ отеческими наставленіями по слитъ, молодой мусульманинъ поступаетъ въ медресе, гдѣ его уже окончательно забываютъ самую неприложимую схоластику. У входа въ медресе рано утромъ собираются группы студентовъ, подзубривающихъ свои уроки или ведущихъ споры о разныхъ тонкихъ вопросахъ своей науки. Они силится понять невыразимую ерунду ста двадцати книгъ, ерунду, о которой въ медресе спорять съ глубоко-учеными мудarrisами до тѣхъ поръ, пока суфй (муэззинъ) не возвѣститъ въ пятый разъ съ высокаго минарета своего обычнаго призыва къ молитвѣ: «а я пазитъ иль-алахъ».

Мы такъ еще недавно въ этихъ странахъ, въ которыхъ съ опасностью жизни могъ до сихъ поръ проникать европеецъ; но пройдетъ немного лѣтъ и, можетъ быть, на скамьѣ одного изъ нашихъ университетовъ мы увидимъ того самого юношу, который, при прежнихъ условіяхъ жизни въ Самаркандѣ, обратился бы въ юрдіаваго шана или факира, оглашающихъ улицы своими безумными криками. Пусть же ожиданія наши сбываются для блага богатаго края, благостельно заявившаго себя съ самаго начала своими мирными и трудолюбивыми правами.

Ирбитъ. (Окончаніе).

Около 1763 г. въ Ирбитѣ былъ построенъ новый гостини дворъ; хотя планъ этого зданія былъ утвержденъ нѣсколько ранѣе и въ 1753 г. былъ переданъ въ сибирскій приказъ, но дѣло это почему то затянулось. Новый гостини дворъ назначено было построить на новомъ мѣстѣ, за оградой свободы, близъ пестербургскихъ воротъ ея; архитектура этого зданія напоминала собою нынѣшніе азіатскіе караванъ-сарай; не имѣя лавокъ съ наружной стороны, оно заключало въ себѣ до 100 лавокъ съ внутренней, въ 4-хъ стѣнахъ своихъ, въ томъ числѣ 4 углавыхъ, большого размѣра; кромѣ того, внутри на дворѣ построено было 104 лавки, расположенныя въ 4 линіи и 2 свѣтлицы; одна изъ нихъ предназначалась для купеческаго суда, а другая для сбора пошлинъ. Чтобы нагляднѣе показать состояніе Ирбитской ярмарки въ эту эпоху, мы приводимъ въ подлинникъ весьма интересныя свѣдѣнія академика Лепехина, путешествовавшего по Россіи съ 1768 по 1773 г. Свѣдѣнія эти онъ собралъ проживши зиму 1770—1771 года въ г. Тюмени; въ нихъ онъ замѣчаетъ, что съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, послѣ уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, Ирбитская ярмарка получила нѣсколько новый видъ, отличный отъ прежняго, главнымъ образомъ тѣмъ, что на ней не бывало уже хивинцевъ, бухарцевъ, армянъ, грековъ и др., съ продуктами ихъ странъ, а пріѣзжаютъ только русскіе купцы, татары и вогуличи; вотъ что говоритъ онъ о самой ярмаркѣ: «Съ китайскихъ границъ пріѣзжаютъ китайскіе лошоныи и нелошоныи разныхъ цвѣтовъ, голы или камки, фанзы, канфы, легкія парчи, шолкъ съирецъ и сучоный, лаковую, фарфоровую и финифтяную посуду, чай зеленый и черный, кирпичный или твердый чай, бѣлый чай, краски разныя, тензуй, всякія мелочи, какъ то: трубки курительныя, стекла зажитательныя, шолкомъ шитыя картины и проч. Изъ дальней Сибіри идутъ товары, въ мягкой рухляди состоящіе, какъ то: кунци, соболы, горностан, бѣлки, песцы, волки, лисцы, выдры, россомахи, бобры, оленины и лосины. Съ подобными сими товарами пріѣзжаютъ вогуличи и березовцы. Оренбургская линія снабжаетъ сіе торжище наипаче бухарскими и хивинскими товарами, которые состоятъ въ хлопчатой бумагѣ, какъ простой, такъ и пряденой, въ разныхъ выйкахъ, подушковыхъ матеріяхъ, верблюжьей волості и сѣланыхъ изъ него матеріяхъ, какъ-то: армяка разной доброты; отсюда же привозятся овчинны, мерлушки и тулупы, кишмиши и особый родъ орѣховъ, чичаръ прозываемыхъ. Копытчатое серебро, золота, какъ песочное, такъ и въ персидскихъ деньгахъ, рѣдно въ Ирбитѣ видѣть можно, но оно нынѣ предоставлено для Оренбургскаго торгова. Съ околныхъ мѣднoplавильныхъ и желѣзныхъ заводовъ не мало тутъ расходуется всякой желѣзной утвари и мѣдной посуды. Изъ Москвы и прочихъ верховыхъ городовъ пріѣзжаютъ со всякими товарами, какіе только въ тѣхъ мѣстахъ имѣть можно. Изъ всѣхъ помянутыхъ мѣстъ собираются купцы болѣею частью въ февралѣ мѣсцѣ и товары свои сгружаютъ въ особенно построенномъ гостини дворѣ, въ которомъ 203 лавки большія и 26 меньшихъ прилавковъ. Съ каждой лавки, для поправленія и содержанія, купцы платятъ отъ 15—30 руб., только на то время, какъ долго продолжается торжище. Сверхъ сихъ лавокъ, для мелочныхъ торгашей, около гостинаго двора, множество ставится палашей, съ которыхъ деньги собираемы называются поземельными и употребляются на украшеніе Ирбитской церкви. Но чтобы купечество и пробѣжие могли надлежачіи имѣть выгоды, построены казенные харчевни и трактиры, съ которыхъ отъ пяти до десяти рублей пожизненно берется денегъ. А для содержанія во всемъ порядкѣ, присылается изъ Тобольска нарочный полиціимейстеръ и не малая команда солдатъ».

Съ этого времени свобода и торговля ея начинаютъ быстро развиваться, благодаря особому, можно сказать, случайному, обстоятельству: въ 1774 г. Пугачевъ, на голову разбитый Голицынымъ подъ Оренбургомъ, потерявъ послѣдніе четыре пушки, 500 человекъ убитыми и 3,500 плѣнными, бѣжалъ на уральскіе заводы; взволновавъ тамъ башкирцевъ, ему снова удалось увеличить свои шайки. Привлеченныя его разсѣялись повсюду, бунтъ распространился далѣе и далѣе и, наконецъ, достигъ до Пермскаго края; многія селенія нынѣшняго Ирбитскаго уѣзда извѣстили покорность самозванцу, етали и въ Ирбитѣ являлись посланные отъ него; но жители, хотя и были застигнуты врасплохъ, остались вѣрны своему долгу;